

Исторія открытія школы въ деревнѣ Алексѣевкѣ, Миѡайловской волости.

I.

29 мая 1879 г.

Вы не можете себѣ представить, какъ я счастлива — во-кругъ меня толпится 30 деревенскихъ дѣтей, приведенныхъ самими родителями съ земными поклонами, просьбами и приношеніями. И какъ все это случилось просто и неожиданно для меня самой. Вы знаете, что, проживая въ прошлое лѣто въ деревнѣ, я ниразу не позволила себѣ заговорить о школѣ, несмотря на непреодолимое желаніе: мнѣ казалось это преждевременнымъ, я боялась спугнуть этотъ неприрученный къ мысли о школѣ народъ, мнѣ казалось, что сперва необходимо обласкать его и чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь, по мѣрѣ возможности, помочь ему въ его повседневныхъ нуждахъ и лишеніяхъ. Сближеніе это рисовалось мнѣ не въ разговорахъ на темы, чуждыя народу, не въ проповѣдяхъ на непонятномъ языкѣ, — я желала только, чтобы этотъ деревенскій людъ повѣрилъ, что можетъ встрѣтиться человѣкъ и «изъ панівъ», какъ онъ смотритъ на насъ, который готовъ помочь ему. Стремленія мои выразились въ томъ, что я стала лѣчить больныхъ: деревязывала раны, завела походный самоварчикъ, который путешествовалъ изъ хаты въ хату, гдѣ оказывался больной, желающій напиться чайку, навѣщала родильницъ, ласкала дѣтокъ, — однимъ словомъ, дѣлала все то, что всегда дѣлала и прежде, очутившись лѣтомъ въ деревнѣ среди горюющаго люда. Когда мы уѣзжали изъ деревни, насъ провожали благословеніями и

слезами. Все это меня чрезвычайно трогало, и я давала себѣ слово въ слѣдующемъ году, по прїѣздѣ сюда, тотчасъ же заговорить о школѣ.

Случай представился прекрасный: знакомый мужикъ-портной, снимая мѣрку съ нашего Миколы, сказалъ: «И у меня такой хлопчикъ и какъ желаетъ учиться, да нигдѣ школы нѣтъ!» Я предложила, чтобы 6-лѣтній Саша ходилъ ко мнѣ, а за нимъ потянулись разные Лукаши, Маруси, Мануйлы и т. д. Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ вѣрованіямъ народа, къ тому, въ чемъ воплощается для него идеалъ добра, правды и справедливости, я, обмывши и причесавши этихъ грязныхъ дѣтокъ, приступила прежде всего къ изученію, разъясненію и пѣнію молитвы: «Отче нашъ». Матери, слушая пѣніе своихъ птенцовъ, умилялись и плакали, да и въ самомъ дѣлѣ, трудно было не умилиться, глядя на этихъ крошекъ, поющихъ: «хлѣбъ нашъ насущный». Впрочемъ, не думайте, что все уже у насъ крошки, что намъ отдали только «На тобѣ Боже, що мині не гоже!», т.-е. дѣтей, неспособныхъ еще къ работѣ, нѣтъ: есть у насъ Романъ Поповъ 13 лѣтъ, онъ работалъ на шахтѣ, получалъ 6 руб., и родные отняли его отъ работы, чтобы сдѣлать грамотнымъ; есть и другой мальчикъ 12 лѣтъ, онъ пасъ нашихъ воловъ и получалъ 3 руб., и его отдали, и это не 2, не 3, а, пожалуй, половина. Это можно считать уже фактическимъ сочувствіемъ къ школѣ и основательно радоваться этому особенно ввиду скептиковъ, утверждающихъ, что народъ чуть не изъ-подъ палки нужно гнать въ школу.

Была я уже у П., хлопочу о разрѣшеніи, чтобы все это было оформлено, какъ подобаетъ. Выписала изъ Петербурга портретъ Государя, а изъ Харькова книги и учебныя пособія.

Счастливая своимъ успѣхомъ

Х. А.

Р. S. Я должна признаться, что до сихъ поръ сомнѣнія относительно того: пошлютъ ли крестьяне дѣтей учиться, не мало мучили меня. Мнѣ думалось: вѣдь мы знаемъ народъ

по книгамъ, по «Отечественнымъ Запискамъ» и рассказамъ Глѣба Успенскаго, а они, помѣщики-старожила, прожили съ нимъ вѣкъ. Что, если мы съ своими книжными симпатіями останемся въ дуракахъ, а они, практики, восторжествуютъ съ своимъ закоренѣлымъ скептицизмомъ. Опытъ удался, и я теперь спокойна и счастлива.

II.

3 іюля 1879 г.

«Бѣдная я, бѣдная! Гдѣ моя радость? Гдѣ моя увѣренность въ собственныхъ силахъ, въ умѣннн вести дѣло при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ?» Пожалуйте меня! Вотъ что случилось: покончивши занятія сегодня утромъ, мы долго толковали съ племянницей о томъ, когда наши дѣти окончатъ азбуку: «Къ 1 августу непременно!» говорила я самонадѣянно!.. Но предсказанію моему не суждено было осуществиться: въ тотъ же день послѣ обѣда мы услышали колокольчикъ и увидѣли станового, быстро направляющагося къ нашимъ воротамъ. Войдя, онъ подаль мнѣ бумагу отъ инспектора къ полиціи, въ которой значилось приблизительно слѣдующее:

«По частнымъ слухамъ, до меня дошло, что какая-то женщина между Михайловкой и Селезневкой занимается неразрѣшеннымъ обученіемъ дѣтей. Прошу произвести слѣдствіе и поступить по закону».

Въ первую минуту по прочтеніи этой бумаги у меня потемнѣло въ глазахъ, затѣмъ, силясь призвать на помощь присутствіе духа, я подошла къ письменному столу, достала всѣ свои бумаги, т.-е. «свидѣтельство на право преподаванія», «назначеніе меня распорядительницей воскресной школы», «благодарность города», «извѣщеніе о царскомъ подаркѣ», наконецъ, приготовленное уже на имя инспектора прошеніе въ пакетѣ и съ маркой, и, молча, подала все это полицейскому чиновнику. Внимательно пересмотрѣвъ все это, онъ презрительно отодвинулъ отъ себя бумаги и замѣтилъ: «Все это имѣло значеніе тамъ — въ Харьковѣ, а теперь вы въ Екатеринославской губерніи... Потрудитесь взять

перо и писать то, что я вамъ продиктую». Я машинально повиновалась, смутно припоминая, что неповиновеніе полиціи ведетъ къ какимъ-то новымъ карамъ. Въ вискахъ у меня стучало, руки дрожали, и мнѣ невыносимо досадно было на то, зачѣмъ онѣ дрожатъ и выдаютъ мое душевное волненіе — вѣдь можно предположить, глядя на меня, Богъ знаетъ что такое, но досада еще болѣе вредила дѣлу; я чувствовала, что лицо мое покрылось пятнами и представляло собою, вѣроятно, такой жалкій видъ, что даже полицейскій чиновникъ проникся, повидимому, состраданіемъ и сказалъ мнѣ съ чувствомъ соболѣзнованія и покровительства:

— Вы не беспокойтесь! Это ничего! Потребуютъ васъ къ мировому судѣ, вызнутъ 50 коп. штрафа и только!

Затѣмъ онѣ началъ диктовать мнѣ слѣдующее: 3 іюля 1879 года я дала сію подписку въ томъ...

— Позвольте,—остановила я его, несмотря на весь упадокъ духа,—скажите мнѣ впередъ на словахъ «въ чемъ именно»?

— Вы сейчасъ увидите, потрудитесь писать!—замѣтилъ онѣ мягко, но настойчиво. Я тоже настойчиво положила перо и сказала:

— Я непременно хочу знать въ чемъ именно!

— Въ томъ,—продолжалъ онѣ, какъ бы диктуя,—что открывъ школу безъ разрѣшенія начальства...

— Я не могу на это согласиться,—возразила я твердо,—это не школа, а простое обученіе грамотѣ надому,—и я показала ему «Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ». Начались новыя пререканія на ту же тему. Въ концѣ-концовъ онѣ согласился, однако, на такую расписку:

«1879 г., іюля 3 дня, я, нижеподписавшаяся, жена купца-землевладѣльца Славяносербскаго уѣзда, Х. Д. Алчевская, даю сію подписку г. приставу 2 стана Славяносербскаго уѣзда въ томъ, что обученіе дѣтей первоначальной грамотѣ на дому въ дер. Алексѣевкѣ, Михайловской волости, которымъ занималась я на основаніи примѣчанія къ ст. второй Высочайше утвержденнаго положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 г., что «простое обученіе грамотѣ надому дозволяется безъ разрѣшенія училищнаго совѣта»,

впредь до разрѣшенія мѣстнаго начальства обязуюсь прекратить. Причемъ считаю необходимымъ добавить, что съ 1 іюня по 3 іюля, занимаясь обученіемъ дѣтей безъ разрѣшенія мѣстнаго начальства, я имѣла ввиду просить въ непродолжительномъ времени училищный совѣтъ о дозволѣніи открыть школу въ Михайловской волости».

Бѣдныя дѣти! Какъ скажу я имъ завтра, чтобы они расходились по домамъ? Что поймутъ они изъ всего этого? Что подумаютъ ихъ родители?

Х. А.

Отрывки изъ дневника.

4 іюля.

Ночь провела, послѣ всѣхъ этихъ передрыгъ, отвратительно — въ жару, въ слезахъ и въ бреду. Боялись горячки, прикладывали къ головѣ холодные компрессы и горчичники. Бредила, говорятъ, тѣмъ, что меня ведутъ къ мировому судѣ выдавать «волчій билетъ», и все просила отыскать мнѣ такое платье, въ которомъ бы я не походила на социалстку.

5 іюля.

Мнѣ казалось невыносимымъ самой отказывать дѣтямъ, и я, поручивши это домашнимъ, рѣшила уѣхать въ Бахмутъ къ инспектору съ прошеніемъ. Измученная физически и нравственно, съ сильнѣйшей болью въ головѣ и въ печени и съ запоздавшимъ прошеніемъ къ инспектору въ рукахъ, садилась я въ вагонъ. Доѣхавши до желанной станціи, я встрѣтила его жену. Она выѣхала встрѣчать мужа на вокзалъ въ сопровожденіи какого-то усача кавалера, по г-на П—ва не оказалось въ поѣздѣ. Г-жа П—ва измѣрила меня надменнымъ взглядомъ. Измученная до послѣдней крайности, я униженно подала ей прошеніе и все просила о чемъ-то, — о чемъ, я не могла потомъ припомнить, а она, пуская въ сторону дымъ папироски и прищуривши презрительно глазки, повторяла съ тупостью и безсердечіемъ попугая: «Онъ все сдѣлаетъ, что можно по закону! все, что можно по закону!»

6 июля.

Мнѣ сообщили, что становой, уѣзжая, просилъ передать мнѣ, чтобы я прекратила лѣченіе больныхъ, что это также воспрещено закономъ. Я шла въ больницу, низко опустивъ голову. На порогѣ меня ждала женщина съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ, одна изъ матерей ребенка, учащагося въ школѣ.

Я осмотрѣла прѣвощаго ребенка и, подавая ей коробочку съ присыпкой, сказала:

— Этому вамъ надолго хватитъ, такъ что, если и закроютъ больницу, какъ грозился становой, то и тогда достанетъ.

Женщина пришла въ полное негодованіе:

— Проклятые! проклятые! — говорила она, судорожно сжимая кулакъ и сверкая глазами. — Небось, не запрещаютъ жидамъ проклятымъ открывать шинки и обирать народъ, а нашелся добрый чловѣкъ, такъ къ нему придираются!.. Что жъ мы скоты, чтобы пропадать безграмотными, собаки, чтобы сгнивать безъ пособія отъ болячекъ?!

Я не рада была, что заговорила съ нею, и боязливо смотрѣла кругомъ, не слышитъ ли насъ кто-нибудь.

7 июля.

5-й день, какъ дѣла находятся въ томъ же напряженномъ состояніи, и я больше всего боюсь своего наступившаго равнодушія; что, если оно хроническое? Бываютъ минуты, когда все это мнѣ кажется какой-то глупой комедіей, но бываютъ, впрочемъ, и другія минуты. Возвращаясь сегодня изъ больницы съ тѣмъ тупымъ равнодушіемъ въ душѣ, котораго я такъ боюсь, я встрѣтила на улицѣ, въ первый разъ послѣ закрытія школы, свою любимицу Марусю Товстенко. Дѣвочка низко поклонилась мнѣ и остановилась, какъ бы выжидая отъ меня чего-то и глядя въ упоръ своими умными, сѣрыми глазами; я тоже остановилась, желая сказать ей нѣсколько ласковыхъ словъ, и вдругъ неудержимый потокъ слезъ хлынулъ изъ глазъ, я поспѣшила домой и горько, судорожно рыдала. Мнѣ казалось, что все бы ничего, но са-

мое жалкое — эти разогнанные дѣти, недоучившія азбуки; вѣдь они, забывая понемножку каждый день, забудутъ все, чему выучились, пока получится разрѣшеніе; какъ этого не понять имъ — лицамъ, призваннымъ вникать въ дѣло народнаго образованія? Почему бы не пріѣхать сюда хотя бы инспектору и не провѣрить на мѣстѣ, что здѣсь дѣлается, чѣмъ здѣсь занимаются. А что, если бы въ самомъ дѣлѣ дѣло было нечисто? Что же тогда? За что же, наконецъ, наказывать Марусю, Лукашу? Ну, пусть меня къ мировому судѣѣ: я должна была предвидѣть послѣдствія, думать о формальностяхъ, — но ихъ за что же?

Слезы облегчили меня, но. надолго ли?

8 іюля.

Я сидѣла задумавшись въ саду и вдругъ почувствовала близко возлѣ себя чье-то присутствіе. Я оглянулась. За мною стояла Мотя — одна изъ наиболѣе застѣнчивыхъ ученицъ. Она, видимо, собиралась съ силами, чтобы выговорить что-то и не рѣшалась. «Что, Мотя? Что хочешь сказать?» сказала я ласково. Она оглянулась, нѣтъ ли кого близко, наклонилась къ моему уху и прошептала: «Христина Даниловна! Учите меня потихоньку. Я никому, никому не скажу!»

Въ эту минуту кто-то показался на большой аллеѣ. Дѣвочка опротивѣвъ бросилась къ калиткѣ и скрылась.

«Бѣдное дитя!» подумала я, глядя ей вслѣдъ.

9 іюля.

Мы шли кататься на лодку. Навстрѣчу намъ попались двѣ дѣвочки, ученицы нашей школы. По ихъ запыленнымъ одеждамъ и узелкамъ можно было предположить, что онѣ возвращаются изъ дальняго путешествія. «Откуда вы?» спросила я. «У ворожей были, гадали, откроютъ ли школу или нѣтъ?» — «Что же вышло?» спросила я, грустно улыбаясь.

— Сказала: будетъ, но не скоро! — отвѣчали печально дѣти.

Мнѣ нечѣмъ было утѣшить ихъ, я только думала: пожалуй, ворожея права даже въ самомъ обширномъ смыслѣ: «будеть у насъ школа, но не скоро!»

10 июля.

Вчера я встрѣтила одну изъ матерей. Она просила меня зайти къ больной родильницѣ. Я велѣла запретъ лошадей, и мы поѣхали вмѣстѣ въ Михайловку. Дорогою женщина рассказывала мнѣ безъ-умолку о своей единственной дочери — Пашѣ. Она говорила, какъ та, только проснется, хватается за азбуку и цѣлый день то читаетъ, то пишетъ, какъ молится поутру — каждое утро: «Пошли, Господи, чтобы скорѣе открылася школа!» и какъ вчера она горько плакала подъ заборчикомъ возлѣ хаты. «Я просто перепугалась до смерти, — говорила женщина, — думала, или ногу она себѣ выбила или руку, спрашиваю: «Паша! чего ты?» а она: «Развѣ не слыхали, говорятъ Х. Д. купили Васильевку и переѣдутъ туда жить!» — и опять въ голосъ. Просто ничѣмъ не могла утѣшить. Наконецъ говорю ей: «Дурочка! можетъ это еще и неправда! Мало ли, что люди брешутъ». Она задумалась, обтерла слезы и говоритъ: «Пойду къ Х. Д., поклонюсь ей въ ноги и попрошу, чтобы не уѣзжала. Скажу ей, что у насъ народъ хорошій, а въ Васильевкѣ плохой, что у насъ всѣ ее любятъ, а тамъ никто еще не знаетъ!»

Я бы не повѣрила всему этому, если бы не знала Пашу — эту тихую, скромную, умную дѣвочку, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ, напоминающимъ иконостасную живопись. Мать души въ ней не слышитъ. Еще бы, осталась одна изъ 14-ти. Она рассказывала, что всѣ ея дѣти не доживали болѣе какъ до 12 лѣтъ. Пашѣ теперь 11, и при взглядѣ на нее невольно является какой-то предразсудочный страхъ при мысли: что, какъ и эта умретъ? Впрочемъ, чтобы вѣрить въ возможность этого, не нужно быть суевѣрной — стоитъ только посмотрѣть на это прозрачное, малокровное личико, вырванное точно изъ какой-нибудь изнѣженной, аристократической семьи, а не мужицкой хаты, въ эти большіе, затуманенные черные глаза съ выраженіемъ: «не отъ міра

сего». Впрочемъ, старуха и нѣжитъ ее порядкомъ: «Ужъ я ей ничего не жалѣю,—говорить она,—и курятинку жарю, и изъ цыплятокъ супецъ варю — лишь бы кушала».

11 іюля.

Мнѣ рассказывали сегодня дѣти, что Дуня Попова такъ голосила въ день закрытія школы, что родители рѣшились отвести ее за 10 верстъ въ Бѣлую къ родственникамъ и оставить у нихъ, чтобы она ходила тамъ въ школу. Къ несчастію оказалось, что школа въ Бѣлой закрыта, такъ какъ не подошла подъ постановленіе земскаго собранія, и мужики отказались вносить 200 р., несмотря на то, что ихъ тамъ 1000 душъ и на каждого приходилось по 2 коп. Отказъ свой они мотивировали такъ: «Пани дадутъ на школу гроши, а потімъ зъ насъ же вывернуть!» (Мнѣ рассказывалъ это потомъ тамошній помѣщикъ.)

12 іюля.

Сегодня былъ у меня староста — приходилъ благодарить за облегченіе его больной дочери. Когда рѣчь зашла обо всемъ случившемся, онъ высказался самымъ рѣшительнымъ тономъ такъ: «Что становой — пьянюга ¹⁾, больше ничего! Тутъ главное — міръ! Міръ даетъ вамъ одобреніе и на школу и на больницу! Міръ — сила!»

Я боялась говорить съ нимъ больше, мнѣ все чудилось, что кто-то слушаетъ меня и обвиняетъ въ пропагандѣ.

30 іюля.

Почти мѣсяцъ, какъ разорено наше бѣдное школьное гнѣздышко. Неужели мнѣ не удастся опять устроить его? Сижу, сложа руки, и жду у моря погоды, въ то время, какъ разрѣшеніе гуляетъ, вѣроятно, изъ училищнаго совѣта въ уѣздную земскую управу, оттуда къ инспектору и догуляется до моего отъѣзда и придетъ сюда тогда, когда я буду по-

¹⁾ Вскорѣ послѣ этого нашъ становой былъ уволенъ отъ должности за пьянство.

гложена другими дѣлами, другою школою — въ городѣ, а бѣдныя дѣти перезабудутъ выученныя буквы.

3 августа.

Сегодня мнѣ подали большой пакетъ, за инспекторской печатью, принесенный изъ Михайловской волости.

«Наконецъ-то!» подумала я, съ волненіемъ распечатывая пакетъ и чувствуя на себѣ взгляды радостнаго любопытства дѣтей и всѣхъ окружающихъ, которые также съ волненіемъ слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ.

Распечатавъ, я прочла приблизительно слѣдующее:

«Въ дополненіе отношенія моего отъ 13 іюля симъ прошу васъ, милостивая государыня, представить мнѣ полицейское свидѣтельство о вашей благонадежности, какъ главный документъ, дающій право на открытіе школы; въ прошеніи вашемъ отъ 4 сего іюля вы упоминаете о документахъ вашихъ, между тѣмъ, я получилъ копію документовъ, никѣмъ не засвидѣтельствованныхъ».

Инспекторъ *П* — *вз*.

Послѣ этого извѣстія я опять слегла въ постель съ болью въ печени и отчаяніемъ въ сердцѣ. Правда, я дѣйствительно впопыхахъ не успѣла засвидѣтельствовать копіи съ документовъ, но вѣдь ихъ видѣлъ становой въ подлинникѣ, кромѣ того, вслѣдъ за этимъ, я отправила ихъ засвидѣтельствованными въ училищный совѣтъ.

Кромѣ того, вѣдь школу открываетъ земство, а не я. Мнѣ не нужно никакихъ кличекъ, я жертвователь и только.

Мотивы, благодаря которымъ я желала устроить школу не частную, а непременно земскую, были таковы: я могу уѣхать, умереть, между тѣмъ, земство, какъ представитель мѣстной интеллигенціи, навѣрное, поддержитъ учрежденіе — школу, построенную на рациональныхъ началахъ: въ удобномъ каменномъ зданіи, съ богатыми наглядными пособиями, съ хорошей бібліотекой и т. п. Съ этою же цѣлью я перемѣнила свое намѣреніе помѣщать школу въ старомъ домикѣ, а себѣ строить новый и рѣшила жить сама въ

старомъ, а для школы воздвигнуть зданіе по всѣмъ правиламъ школьной гигиены.

4 августа.

Сегодня засвидѣтельствована 15-я уже копія въ волостномъ правленіи. Можетъ, этого будетъ достаточно для инспектора народныхъ училищъ. Сегодня же отправлено прошеніе о полицейскомъ свидѣтельствѣ въ Харьковъ.

5 августа.

Сегодня получила бумагу изъ училищнаго совѣта. Бумага эта чрезвычайно похожа на разрѣшеніе, но по смыслу отношенія инспектора она въ сущности ничто безъ полицейскаго свидѣтельства, этого «главнаго документа для открытія школы,—какъ выражается онъ». Слѣдовательно, счастье мое заключается въ «полицейскомъ свидѣтельствѣ».

11 августа.

Мечта моя осуществилась! Сегодня я получила полицейское свидѣтельство изъ Харькова, гласящее, что я «поведенія хорошаго!»

Какое счастье!.. Завтра же засвидѣтельствую 16 копію съ этого прошенія и отправлю г. П—ву. Вѣроятно, съ этимъ окончится мой путь по мытарствамъ.

12 августа.

Счастье мое помрачилось, надежды померкли—получено отъ инспектора частное извѣстіе черезъ учителя, что одного «свидѣтельства» отъ харьковской полиціи недостаточно, необходимо изъ славяносербской. Просила со слезами П., ѣдущаго сегодня въ Славяносербскъ, достать мнѣ, если возможно, это свидѣтельство отъ исправника. Обѣщаль.

13 августа.

Новое извѣстіе отъ инспектора — требованіе доказать, что я, дѣйствительно, русская подданная. Посылаю эстафету въ Славяносербскъ, нельзя ли совмѣстить полицейское свидѣтельство съ таковымъ удостовѣреніемъ?!

14 августа.

Наконецъ, получила вторую половину моего благополучія—полицейское свидѣтельство изъ Славяносербска, гласящее, что я поведенія отличнаго, и въ довершеніе счастья въ концѣ добавлено, что я, дѣйствительно, русская подданная. Сегодня отправляю инспектору отвѣтъ и на этотъ новый искусь, что же далѣе? О, навѣрное, какое-нибудь новое удостовѣреніе. Это просто какая-то «бочка Данаидъ», наполняющаяся прошеніями, отношеніями, свидѣтельствами и заявленіями...

17 августа.

Новое требованіе: доказать, что я православнаго вѣроисповѣданія. Говорятъ, что для этого необходимо мое метрическое свидѣтельство изъ города, гдѣ я родилась—Борзны, 38 лѣтъ назадъ. Борзна эта съ тѣхъ поръ горѣла разъ 20, слѣдовательно, врядъ ли возможно будетъ выхлопотать таковую метрику. Отправляю, на всякій случай, письмо въ Харьковъ, авось тамъ удастся добыть.

18 августа.

Письмо отъ родственника.

«Только что я получилъ ваше требованіе относительно удостовѣренія въ томъ, что вы православнаго вѣроисповѣданія, какъ явился ко мнѣ вашъ сосѣдъ Г. и сообщилъ слѣдующее: онъ встрѣтился съ г. П—вымъ на желѣзной дорогѣ, и тотъ поручилъ ему передать вамъ, что, кромѣ бумагъ, доставленныхъ уже вами, настоятельно требуется доказать, что вы законная жена вашего мужа. Постараюсь выхлопотать всѣ эти удостовѣренія и удовлетворить такимъ образомъ вашего чуднаго инспектора».

23 августа я получила эту бумагу.

24 августа.

Казалось бы, что чаша терпѣнія должна была бы переполниться, и послѣ припадковъ отчаянія и равнодушія долженъ былъ бы появиться протестъ. Но у меня выходитъ иначе: какъ бойца охватываетъ одушевленіе и мужество,

чѣмъ больше препятствій впереди, и еще привлекательнѣе и желаннѣе кажется ему побѣда, такъ и я: минутами мнѣ кажется, что я не любила бы такъ эту школу, если бы она не далась мнѣ съ такими страданіями, что устраивать дѣло при благопріятныхъ условіяхъ не диво,—нѣтъ, ты воздвигни его тогда, когда все противъ тебя, и въ результатъ получишь увѣренность въ своей настойчивости, преданности и силѣ. Мщеніе мое должно состоять не въ томъ, чтобы обратиться вспять и сжечь корабли, а въ томъ, чтобы остаться на полѣ битвы, выиграть сраженіе, создать образцовую школу и доказать, что была права я, а не г-да П—вы.

Вотъ, что писала я вчера одному изъ своихъ знакомыхъ, бѣжавшему съ поля битвы общественной дѣятельности въ деревню и погрузившагося тамъ «въ дремоту жизни праздноной», что мнѣ, однако, не мѣшаетъ уважать въ немъ чело-вѣка умнаго и честнаго:

«Вы обвиняете меня въ томъ, что я отказываюсь отъ газетныхъ статей и, приглашая защищать Спасовича, въ глубинѣ души, не желаю даже его защиты. Прежде, чѣмъ обвинять меня въ этомъ, выслушайте мои доводы: я нахожу, что людей, готовыхъ протестовать, обличать и пререкаться гораздо больше, чѣмъ людей, желающихъ напроломъ, во что бы то ни стало, дѣлать дѣло,—общественное дѣло, въ которое они вѣрятъ, которому они предвидятъ будущность. Я не берусь судить, кто больше служить обществу, кто полезнѣе, кто заслуживаетъ большаго уваженія, большей симпатіи,—я чувствую только себя принадлежащею ко второй категоріи. Выходя изъ этого положенія, я не хочу быть на скамьѣ подсудимыхъ по школьному дѣлу, я не хочу дать восторжествовать злоязычію г-дѣ П—выхъ, я не хочу набрасывать тѣни на мою прошлую педагогическую дѣятельность, я не хочу быть причисленною къ лику недовольныхъ и протестующихъ, я не хочу минутнаго торжества идеи и привлекательнаго мученическаго вѣнка невинно пострадавшей, купленнаго цѣною возможности дѣлать дѣло!

«Говорятъ, что дѣло передается въ окружный судъ. Мировой судья нашель его себѣ неподсуднымъ и передалъ судебному слѣдователю.

«Извѣстный адвокат Спасовичъ говоритъ, что онъ самъ желалъ бы быть подсудимымъ по такому дѣлу, что такіа дѣла слѣдуетъ раздувать, а не тушить, что онъ бесплатно прійдетъ защищать его. Изъ Петербурга мнѣ предлагаютъ опять помѣстить эту исторію въ одной изъ распространенныхъ газетъ, но я повторяю: не этого мнѣ нужно, мнѣ нужно дѣлать дѣло и только».

28 августа.

Вещи уложены, дѣти въ дорогѣ, одна я задерживалась до послѣдней минуты въ надеждѣ получить разрѣшеніе, и дождалась-таки и отъ инспектора, и отъ училищнаго совѣта, но открыть школу невозможно. Завтра я неизбѣжно должна выѣхать въ Харьковъ, такъ какъ 2-го открытіе воскресной школы послѣ лѣтнихъ каникулъ.

Придется прійхать 3 сентября послѣ собранія, но радостная вѣсть облетѣла уже всѣ хаты и маленькія фигурки безпрестанно мелькаютъ у воротъ.

29 августа.

Въ дорогѣ. (Изъ деревни въ городъ).

Станція Никитовка.

(3 ч. пополуд.)

Я садилась въ экипажъ, окруженная веселою толпою дѣтей, счастливая ввиду предстоящей радости. Въ воротахъ показался старикъ, разносящій пакеты изъ Михайловской волости и подалъ мнѣ какую-то бумагу. Какъ ни была подготовлена я къ вызову судебного слѣдователя, но онъ невыразимо поразилъ меня: опять похолодѣли руки и потемнѣло въ глазахъ. Подъ впечатлѣніемъ послѣдней радости мнѣ казалось, что все это горькое отошло куда-то далеко, далеко, я готова была все забыть, всѣмъ простить и вдругъ опять... Я возвращаюсь въ Харьковъ, торжествуя побѣду, а тутъ этотъ вызовъ къ судебному слѣдователю, и что я ему скажу, и какъ все это будетъ, и чѣмъ кончится? Все это вопросы, отвѣты на которые никто не можетъ предвидѣть.

6 сентября.

(Опять въ деревнѣ).

Д. Алексѣевка.

(12 ч. ночи.)

Мнѣ кажется, что въ жизни моей я никогда не присутствовала при такомъ торжествѣ, какъ сегодня. Хотѣла заснуть и не могу—передъ глазами все та же картина: священникъ въ свѣтлой рясѣ съ крестомъ въ рукахъ, за нимъ толпа дѣтей, веселыхъ, нарядныхъ, какъ на свѣтлый праздникъ, за ними толпа народа, благоговѣйно идущая за всей этой процессіей, все это движется къ только что заложенному зданію. Солнце ярко освѣщаетъ всю эту картину, а въ ушахъ раздаются дѣтскіе голоса: «Спаси, Господи, люди Твоя!...»

Народъ собрался со всѣхъ окрестныхъ деревень, и не одинъ народъ, а всѣ сосѣди и близкіе, и дальніе, всѣ они знали, какую цѣною купила я это торжество, и, казалось, сошлись порадоваться моей радости. Мы заявили всѣмъ и каждому, что не можемъ принять болѣе 40 дѣтей, пока выстроится настоящая школа, а намъ привели 60. Разумѣется, старымъ пріятелямъ было отдано предпочтеніе, добавили 10 новыхъ изъ болѣе взрослыхъ дѣтей, а 20 записали на весну.

7 сентября.

(Изъ деревни въ городъ).

Станція Никитовка.

(3 ч. пополуд.)

Я почти не спала эту ночь — картины радости смѣнялись тяжелымъ ожиданіемъ утра и вызова судебного слѣдователя. Въ 8 ч. я была уже готова къ отъѣзду въ Михайловку, а въ половинѣ 9-го подѣзжала къ волостному правленію,—къ тому самому волостному правленію, гдѣ судятъ конокрадовъ и мошенниковъ. Нервы мои были въ высшей степени напряжены, но я силилась удержаться отъ слезъ, уговаривая себя, что плакать постыдно. Ночью, впрочемъ,

я написала заявленіе и именно на случай слезъ и невозможности выяснитъ дѣло какъ слѣдуетъ. Это заявленіе-экспромтъ лежало у меня въ карманѣ, такъ, какъ есть—непереписанное, даже; впрочемъ, въ немъ не встрѣчалось ни одной помарки, такъ научили меня писать дѣловыя бумаги въ Славяносербскѣ.

Мы подъѣзжали къ волостному правленію, когда издали послышался колокольчикъ, отъ котораго у меня дрогнуло сердце, и черезъ нѣсколько минутъ показалась тройка — на тройкѣ сидѣлъ молодой человѣкъ въ бѣлой фуражкѣ съ кокардой, самаго элегантнаго вида, и слуга. Молодой человѣкъ, впрочемъ, для меня не былъ «человѣкъ»,—это былъ «судебный слѣдователь». Молодцевато выскочилъ онъ изъ тарантаса, захлопнулъ за собой стремительно дверь и высалъ человѣка сказать, что просить меня пожаловать въ залу въ домъ Міоковичей. Эти добрѣйшіе сосѣди — Міоковичи, видя, вѣроятно, на лицѣ моемъ выраженіе ужаса каждый разъ, когда рѣчь заходила о судебномъ слѣдователѣ, и прежде успокаивали меня предположеніемъ, что судъ надо мною будетъ происходить у нихъ въ домѣ, какъ это не разъ уже бывало, но мнѣ казалось, что это еще стыднѣе. Тѣмъ не менѣе, мы велѣли повернуть лошадей къ дому Міоковичъ. Навстрѣчу намъ, точно желая скорѣе выручить меня изъ бѣды, бѣжала растрепанная и въ утреннемъ неглиже добрѣйшая Екатерина Александровна. Завидѣвши меня, она стала махать руками, точно боясь, что я миную ихъ домъ, или заподозрю, что они покинули меня въ бѣдѣ. Это было уже выше моихъ силъ, я зарыдала и, рыдая, вошла къ нимъ въ домъ. Меня силились утѣшить, успокоить—ничто не помогало. Наконецъ, въ залѣ послышались шаги, и въ комнату вошелъ судебный слѣдователь. Не знаю, какъ это случилось, но я мигомъ перестала плакать и почувствовала вдругъ такой приливъ сознанія собственного достоинства и гордости, что совершенно твердо послѣдовала за нимъ на его приглашеніе въ залу. Мы сѣли другъ противъ друга. Судебный слѣдователь не безъ юпитерскаго величія началъ со слѣдующаго: «Ваше дѣло—это первое дѣло въ моей юридической практикѣ такого рода характера, а поэтому я, какъ

молодой юристъ, считалъ необходимымъ посовѣтоваться въ этомъ случаѣ съ моими товарищами-юристами, болѣе опытными, чѣмъ я. Съ этою цѣлью я побывалъ въ окружномъ судѣ, и послѣ продолжительной консультаціи мы рѣшили предложить вамъ слѣдующій вопросъ, который будетъ первымъ и послѣднимъ и опредѣлить отношенія вашего дѣла, а именно: признаете ли вы, что школа, существовавшая въ деревнѣ Алексѣевкѣ, Михайловской волости, существовала безъ разрѣшенія?

— Извините, — возразила я спокойно, — но есть вопросъ первѣе этого, а именно: существовала ли школа въ деревнѣ Алексѣевкѣ, Михайловской волости?

Молодой юристъ даже подскочилъ немного на стулѣ.

— Какъ! Вы это отвергаете?

— Да!

— Что же это было по-вашему?

— Это было простое обученіе грамотѣ надому, которое на основаніи примѣчанія къ ст. 2-й Высочайше утвержденнаго положенія о нач. народн. учил. дозволяется лицамъ всѣхъ сословій безъ разрѣшенія училищнаго совѣта. И я открыла передъ нимъ бывшее при мнѣ печатное «положеніе о нач. народн. училищахъ».

Молодой юристъ, видимо, нѣсколько сконфузился и спросилъ меня менѣе уже юпитерскимъ тономъ:

— А чѣмъ вы можете доказать, что это была не школа?

— Тѣмъ, — отвѣчала я, чувствуя, что принимаю все болѣе и болѣе грозный видъ, — что тутъ не было никакихъ элементовъ, входящихъ въ составъ понятія о школѣ: школа требуетъ опредѣленнаго помѣщенія — его не было, такъ какъ мы учили въ саду и на балконѣ; школа требуетъ учителя, его не было, такъ какъ я занималась сама съ дѣтьми; школа требуетъ опредѣленной программы — ея не было; школа требуетъ законоучителя — его не было. Впрочемъ, позвольте мнѣ подать вамъ заявленіе, изъ котораго вы вполне ясно увидите весь ходъ дѣла. Заявленіе это я прошу васъ пришить къ дѣлу! — И я подала ему заявленіе, чувствуя, что мы положительно помѣнялись ролями. Заявленіе мое было слѣдующаго содержанія:

З а я в л е н і е.

Въ прошломъ 1878 г., прїѣхавши въ первый разъ въ имѣніе мужа моего д. Алексѣевку, Михайловской волости, я провела въ ней 3 лѣтнихъ мѣсяца. Работая 16 лѣтъ на поприщѣ народнаго образованія, я, естественно, поинтересовалась узнать, существуютъ ли вблизи насъ школы, и узнала, что въ Михайловской волости нѣтъ ни одной.

Это обстоятельство дало мнѣ поводъ рѣшиться устроить, съ участіемъ земства, народное училище. Съ этою цѣлью я обратилась къ сосѣду моему Н. Н. П., какъ одному изъ земскихъ дѣятелей и мировому судѣ — юристу, способному разъяснить мнѣ порядокъ веденія дѣла и просила его помочь мнѣ. Въ сентябрѣ того же года состоялось земское собраніе, въ которомъ, по вопросу о народномъ образованіи, рѣшено было открывать земскія школы и выдавать субсидію въ 400 р. только тамъ, гдѣ общество, или частное лицо обяжется вносить съ своей стороны 200 и покажетъ такимъ образомъ свое сочувствіе къ школѣ и желаніе содѣйствовать ея интересамъ. Въ это время я была уже въ Харьковѣ — моемъ постоянномъ мѣстѣ жительства.

Прїѣхавши въ этомъ году въ деревню въ маѣ мѣсяцѣ, я возобновила свои переговоры по этому дѣлу съ П., причемъ онъ объявилъ мнѣ, что прежде всего нужно подать прошеніе инспектору народнаго училища П — ву и обѣщаль доставить на-дняхъ форму такового прошенія, но какъ человѣкъ занятый и службой, и хозяйствомъ, замедлилъ нѣсколько доставкой мнѣ этой формы, а я, въ свою очередь, получивъ отъ него прошеніе, замедлила отправкой, наводя справки какъ зовутъ П — ва, гдѣ онъ находится, такъ какъ въ Бахмутѣ его не оказалось, какую слѣдуетъ приложить марку и т. п. Въ этихъ хлопотахъ прошло около мѣсяца; между тѣмъ, нѣкоторые изъ сосѣдей пугали меня предсказаніемъ, что получу я разрѣшеніе, выстрою домъ, но учениковъ не будетъ, что народъ нашъ не расположенъ къ школѣ, что ему нужны малолѣтніе работники и т. п. Напуганная отчасти этими предсказаніями мѣстныхъ жителей,

я задумала сдѣлать опытъ до открытія школы. Помня очень хорошо объ инспекторѣ и необходимости просить прежде всего у него разрѣшенія школы, я въ то же время знала, что на основаніи примѣчанія къ статьѣ 2-й Высочайше утвержденнаго положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1864 г., «дозволяется простое обученіе грамотѣ народу безъ разрѣшенія училищнаго совѣта». Кромѣ того, за непреступность этого опыта говорило все мое прошлое, подкрѣпленное такими фактами: въ 1871 году баронъ Корфъ—извѣстный дѣятель по народному образованію, осматривалъ въ Харьковѣ школу, въ которой я состою распорядительницей, и далъ о ней самый лестный печатный отзывъ въ рядѣ газетныхъ статей подъ заглавіемъ: «Частная инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія». Въ 1873 году я получила благодарность отъ харьковской городской думы, во главѣ которой находился тогда бывший профессоръ харьковскаго университета Е. С. Гордѣнко. Въ 1874 г., по представленію мѣстнаго начальства, пожалована подаркомъ изъ кабинета Ея Величества. Въ 1878 г. школу посѣтилъ членъ-ревизоръ Святѣйшаго Синода С. И. Миropольскій и, тщательно изучивъ ее, написалъ исторію школы подъ заглавіемъ: «Школа и Общество», въ которой въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ доказывалъ, что это учрежденіе единственное въ Россіи. Статьи эти напечатаны въ 3-хъ книгахъ педагогическаго журнала «Семья и Школа» за 1878 годъ.

Все это, повторяю я, казалось мнѣ достаточнымъ для права произведенія опыта — пошлютъ ли дѣтей учиться. Случай помогъ мнѣ: знакомый мужикъ портной, снимая мѣрку съ младшаго сына моего, замѣтилъ: «И у меня есть такой хлопчикъ и страсть какъ желаетъ учиться, да нигдѣ близко нѣтъ школы!» Я предложила, чтобы мальчикъ ходилъ ко мнѣ учиться, а на 3-й день меня просили о томъ же нашъ приказчикъ, садовникъ, дворникъ, кучеръ и еще нѣсколько матерей изъ сосѣднихъ хатъ. Такимъ образомъ, совершенно неожиданно для меня самой и въ противорѣчіе мѣстнымъ предсказаніямъ, въ 2—3 дня набралось до 30-ти дѣтей. 1-ю недѣлю я посвятила задачамъ опрятности: раздала по куску мыла, по частому гребешку,

мальчикамъ велѣла остричься, дѣвочкамъ — снять платочки и причесываться каждый день; смотрѣла, чисты ли руки, уши, ногти, головы и объясняла необходимость чистоты для здоровья. 2-ю недѣлю мы приступили къ разучиванію молитвы: «Отче нашъ» съ объясненіемъ и пѣніемъ, а на 3-ю принялись за подвижную азбуку. Занимались мы всѣмъ этимъ на балконѣ, въ саду, такъ какъ другого помѣщенія тогда не имѣлось, и мечтали о томъ, что къ открытію школы старшіе ученики окончатъ азбуку и образуютъ изъ себя 2-ю группу, какъ вдругъ полиція — становой приставъ. Разумѣется, я показываю ему всѣ доказательства своей благонадежности, всѣ свои бумаги, но онъ отвѣчаетъ: «Все это имѣетъ значеніе только въ Харьковской губерніи, а теперь вы въ Екатеринославской!» Неспособная отъ волненія сообразить, что законы въ Россіи повсюду одни и тѣ же, я покоряюсь требованію полицейскаго чиновника и пишу росписку, что впредь до разрѣшенія мѣстнаго начальства прекращаю занятія съ дѣтьми, сохраняя, однако, сознаніе настолько, что не пишу «закрываю школу», какъ требуетъ онъ, такъ какъ школы никакой не было, а было «простое обученіе грамотѣ надому», и даже менѣе того «на балконѣ», и даже менѣе обученія, такъ какъ внушеніе правилъ опрятности и пѣніе нельзя считать за организованныя школьныя занятія.

На другой же день я отправляю прошеніе инспектору и въ училищный совѣтъ. Училищный совѣтъ немедленно разрѣшаетъ открыть земское народное училище въ д. Алексѣевкѣ и назначаетъ субсидію, но инспекторъ, не желая понять, что это школа земская, что учителя въ нее назначаетъ земство съ его согласія, что я представляю собою не болѣе какъ жертвователя 3,000 руб., ставитъ мнѣ препятствія и требуетъ не разомъ, а постепенно, затягивая дѣло до моего отъѣзда: 1) полицейское свидѣтельство отъ харьковской полиціи; 2) таковое же отъ славяносербской, затѣмъ 3) свидѣтельство о томъ, что я русская подданная, затѣмъ, 4) что я православнаго вѣроисповѣданія, и, наконецъ, 5) что я законная жена моего мужа. Я доставляю всѣ данныя доказательства и, наконецъ, за два дня до моего отъѣзда

школа открыта, но тутъ же я получаю повѣстку отъ г. судебного слѣдователя, какъ посредника дѣла, переходящаго въ окружной судъ, причемъ сказано, что я обвиняюсь въ уголовномъ преступленіи «въ нарушеніи постановленій о воспитаніи юношества».

7 сентября 1879 г.

д. Алексѣевка.

Дочитавши заявленіе, молодой юристъ совершенно уже сконфуженно пробормоталъ:

— Да, я долженъ признаться, что «заявленіе» ваше дѣйствительно сбило меня съ позиціи, и я тоже готовъ признать, что школы не было. Ввиду этого я не могу снимать съ васъ показаній, такъ какъ мы снимаемъ показанія только съ подсудимыхъ, а признать васъ подсудимою я не могу. Придется снять показаніе со школьниковъ — и только».

— Последняя фраза наполнила мое сердце ужасомъ: какъ, пытать этихъ неповинныхъ дѣтей, навести на населеніе ужасъ, отшатнуть, быть-можетъ, отъ школы, подумала я, и сказала громко: «Каждый провинившійся человѣкъ долженъ самъ выносить на себѣ кару наказанія, а поэтому прошу васъ наказывать меня—вы можете передать дѣло въ окружной судъ, я даже желаю этого, такъ какъ Спасовичъ разъяснить при этомъ, какъ поставлено у насъ въ глуши дѣло народнаго образованія; только прошу васъ—не трогайте дѣтей! Впрочемъ, извините,—добавила я поспѣшно,—быть-можетъ, я не имѣю права просить о чемъ бы то ни было?!

— Нѣтъ, почему же,—возразилъ онъ также сконфуженно,—вы имѣете право просить и даже ваша просьба можетъ быть уважена,—я, пожалуй, не спрошу дѣтей, а спрошу сосѣдей. Что же касается окружного суда, то если вы желаете, чтобы дѣло перешло туда, то вы должны признать, что школа существовала, и заплатить 50 к. штрафу».

— Ни за что!—возразила я горячо,—если бы мнѣ предстояло заплатить одну коп. или просидѣть въ тюрьмѣ, я выбрала бы послѣднее, но ни за что не признала бы себя виновной противъ убѣжденія!

— Вы свободны!—сказалъ учтиво молодой юристъ, принимаясь съ мѣста.

Я вышла твердо и спокойно какъ, вошла, вполне довольная собой, потребовавъ предварительно у моего судьи росписку въ томъ, что онъ получилъ мое заявленіе.

17 сентября.

Харьковъ.

Послѣ визита въ камеру судебного слѣдователя я постоянно тревожилась мыслью о томъ: свободенъ ли будетъ Спасовичъ, если потребуется его защита, и въ высшей степени была рада сегодня его нѣсколькимъ успокоительнымъ строкамъ, вотъ онѣ:

Милостивая Государыня.

Христина Даниловна!

Всегда, когда вы потребуе меня выручать васъ на судѣ, обещаю быть къ вашимъ услугамъ. По всей вѣроятности, однако, до этого не дойdetъ.

Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ Краковъ на юбилей Крашевскаго, но вернусь никакъ не позже 1 октября.

Глубоко уважающій васъ, преданный

Спасовичъ.

15 сентября 1879 г.

29 октября.

(Отрывокъ изъ письма деревенскаго учителя).

«26-го въ пятницу, занимаюсь я, какъ вдругъ высовывается какая-то голова изъ дверей моей комнаты и говорить: «Позвольте васъ на минуту оторвать отъ дѣла; я судебный слѣдователь, пріѣхалъ сдѣлать дознаніе». Думаю себѣ: «Очень непріятно имѣть такого гостя!» и долженъ признаться, что даже струсилъ, во-первыхъ, отъ неожиданнаго появленія головы, а во-вторыхъ, за васъ и за школу струсилъ.

Перваго онъ вызвалъ Романа Попова, а затѣмъ Краснощочковыхъ и Головнева, но они отказались, такъ какъ не

были тогда въ школѣ. Онъ спросилъ Романа, кто съ нимъ еще тогда учился? и тотъ указалъ на Марусю Товстенко. Судебный слѣдователь допрашивалъ и ее. Дѣти показали: насъ было больше 10, учила насъ Христина Даниловна всѣхъ пѣть «Отче нашъ!», а нѣкоторые учились по азбучкѣ, учились же мы на балконѣ.

На показаніи своемъ, писанномъ самимъ слѣдователемъ, они расписались. Затѣмъ пріѣзжалъ урядникъ вечеромъ и дѣтей не засталъ. Пріѣзжалъ онъ по тому же дѣлу, имѣя предписание отъ становаго пристава, и заявилъ всѣмъ родителямъ учившихся тогда у васъ дѣтей явиться въ волость для допроса. Чѣмъ же это кончилось — не знаю; могу только, Х. Д., увѣрить васъ въ одномъ, что все это на учащихся нимало не повліяло — они остались веселы, какъ и были раньше.

Извините, пожалуйста, Х. Д., что сообщаю вамъ эти непріятныя новости. Не хочу ничего скрывать.

Дѣти ходятъ аккуратно. Всѣ они кланяются вамъ».

28 октября, 1879 г.

Деревня Алексѣевка.

30 октября.

Письмо это снова навѣяло на меня грустныя думы: Господи, когда же конецъ этому?!.. Бѣдныя дѣтки! Трогательнѣе всего безспорно то, что сами расписались на своемъ показаніи.

1 ноября.

Сегодня получила копію съ постановленія судебного слѣдователя. Она обрадовала меня, какъ нравственное удовлетвореніе послѣ длинныхъ мѣсяцевъ страданій и сомнѣній. Вѣроятно, судъ согласился съ его мнѣніемъ и наступитъ конецъ моимъ тревогамъ... Если бъ то!..

Постановленіе судебного слѣдователя состояло приблизительно въ слѣдующемъ:

1879 г. октября 27 дня и. д. судебного слѣдователя 2-го участка Славяносербскаго уѣзда, въ г. Славяносербскѣ,

разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла по обвиненію г-жи Алчевской въ нарушеніи 1049 ст. ул. о нак. нашель, что г-жа Алчевская имѣла право на открытіе школы, что доказывается, кромѣ извѣстныхъ и объясняемыхъ ею въ поданномъ заявленіи фактовъ изъ дѣятельности ея на поприщѣ бесплатнаго преподаванія грамотности, между прочимъ, уже и тѣмъ, что она и получила уже разрѣшеніе на открытіе школы, нынѣ существующей въ ея деревнѣ, въ которой обучаются малолѣтніе крестьяне грамотности; за симъ, хотя г-жа Алчевская, до полученія формальнаго разрѣшенія открыть собственно школу и призвала малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей къ себѣ на домъ, гдѣ учила ихъ первоначально, дѣлая опытъ и подготовку для будущей школы, въ открытіи которой и сомнѣваться не имѣла основаній, но, такъ какъ по внутреннему смыслу 1049 ст. ул. о нак. подобныя дѣйствія съ ея стороны не составляютъ преступленія, заключающагося лишь въ неисполненіи извѣстной формальности, которая потомъ была исполнена, то потому и нарушенія 1049 ст. ул. о нак. г-жею Алчевскою совершено не было, ибо законъ, устанавливая норму въ 1049 ст. ул. о нак. имѣлъ ввиду предупредить возможность обучать дѣтей лицами некомпетентными въ этомъ дѣлѣ или же могущими поселить въ малолѣтнихъ дурныя начала нравственности, но отнюдь не предусматривалъ тѣхъ случаевъ, когда лица безусловно имѣющія права на право преподаванія и извѣстныя своею педагогическою дѣятельностью, желая поселить между народомъ начала нравственности, религіи и грамотности, жертвуютъ своимъ имуществомъ для достиженія этой общественно-правительственной цѣли, ввиду которой и собственнымъ безкорыстнымъ трудомъ, желая принять участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, готовятъ дѣтей къ обученію ихъ въ «собственной школѣ», которую намѣреваются открыть. Ввиду личной инициативы въ такомъ общественномъ дѣлѣ, ввиду мѣстныхъ условій и непониманія еще народомъ пользы грамотности безъ извѣстной подготовки къ этому дѣлу самихъ дѣтей, нельзя было бы и рѣшиться открыть школы, и такимъ путемъ былъ бы убитъ личный элементъ и личная

иниціатива въ дѣлѣ распространенія грамотности, чего законъ, относящійся къ этому съ сочувствіемъ, не могъ допустить. Что же касается мнѣнія, допрошеннаго въ качествѣ эксперта г. П—ва, то, такъ какъ въ показаніи своемъ, главнымъ образомъ, онъ старался опровергнуть заявленія г. Алчевской относительно притѣсненій имъ ея, и, наконецъ, такъ какъ онъ не призналъ себя компетентнымъ въ дѣлѣ разрѣшенія предложенныхъ ему вопросовъ въ научно-юридическомъ смыслѣ, то потому показаніе его въ дѣлѣ не можетъ имѣть существеннаго, а тѣмъ болѣе рѣшающаго значенія. Ввиду изложенныхъ соображеній и не находя въ дѣйствіяхъ г-жи Алчевской признаковъ какого-либо преступленія, руководствуясь 277 ст. уст. уг. суд., постановилъ: не привлекая въ качествѣ обвиняемой г. Алчевской, дѣло это, за отсутствіемъ состава преступленія, предоставить для прекращенія въ изюмскій окружной судъ, черезъ господина прокурора.

И дѣйствительно, постановленіемъ изюмскаго окружного суда отъ 20-го ноября 1879 года дѣло было прекращено.

Отрывки изъ дневника за разные годы.

9 декабря 1880 года.

Сегодня меня пригласили на крестины къ матери одной изъ ученицъ воскресной школы — прачкѣ. Въ воскресенье отецъ Бендюковой пришелъ съ этою цѣлью въ школу, и, когда я дала согласіе, онъ поблагодарилъ, но не трогался съ мѣста, переминаясь съ ноги на ногу, и, видимо, желая сообщить еще нѣчто.

— А что вамъ еще?—спросила я, чтобы ободрить его.

— Видите ли, Х. Д., мы хотѣли просить васъ найти кума: у насъ нѣтъ такихъ благородныхъ, чтобы съ вами крестить.

Въ отвѣтъ на это я употребила всѣ силы, чтобы увѣрить его, что мнѣ не нужно «благороднаго» и что онъ можетъ звать кого хочетъ,—лучше всего кого-нибудь изъ своихъ пріятелей.

Войдя въ чистенькую и убранную по-праздничному комнатку, съ чистыми скатертями на столахъ и большой постелью съ горою подушекъ, я увидѣла поджидавшихъ меня толстаго батюшку съ причетникомъ и кума. Передо мною стоялъ человѣкъ съ чрезвычайно благообразнымъ лицомъ, въ длинномъ мѣщанскомъ сюртукѣ и съ золотою цѣпочкою на жилетѣ, лѣтъ 30 — 35.

Начался обрядъ крещенія. Батюшка пѣлъ въ носъ и съ необыкновеннымъ достоинствомъ, какъ будто желая сказать: «Мы и не у этакихъ крестили!» Я строго слѣдила

за собою, чтобы не сдѣлать чего-нибудь некстати; кумъ мой бережно держалъ ребенка, немножко покачивая его, чтобы онъ унялся плакать.

Кончился обрядъ. Отнесли мы ребенка родильницѣ, и сами сѣли пить чай. Взглянула я на батюшку, и почему-то вспомнился мнѣ нашъ деревенскій священникъ, сдѣлавшій на меня доносъ, и я невольно какъ-то стала рассказывать свою грустную исторію открытія школы въ деревнѣ. Кумъ слушалъ меня съ необычайнымъ интересомъ; когда видишь, что тебя такъ слушаютъ, невольно хочется продолжать. Батюшка вставлялъ не совсѣмъ умѣстныя замѣчанія: «За социалистку, слѣдовательно, принялъ!» и т. п., но я не обращала на это вниманія.

Кончился рассказъ. «И у насъ въ приходѣ,—началь мой кумъ,—тоже въ этомъ родѣ исторія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ попечительство школу основало, т.-е. это только слава, что попечительство: хлопоталъ о ней священникъ, отецъ Василій, отличнѣйшій человѣкъ, и я немножко старался, конечно, много я не могу; ну, такъ въ ярмарку, кой у кого у своихъ знакомыхъ рублей до 20 соберу, да и своихъ немножко прибавлю; конечно, мы люди маленькіе, и заработки у насъ не Богъ знаетъ какіе, но у меня жена имѣетъ охоту до школъ, говоритъ: «Ты лучше мнѣ платяя не справь, а школѣ помоги». И такъ, понемногу, понемногу собрали мы 5 тысячъ и выстроили зданіе. Ужъ сколько хлопотъ было о. Василию съ этой постройкой—страсть! Другой и за своимъ собственнымъ столько не приметъ. Построилъ, Законъ Божій бесплатно преподаетъ; мало этого, въ чемъ нужда, своими деньгами приплачивается. Какъ вдругъ назначаютъ къ намъ другого священника въ помощь изъ деревни, по протекціи, вѣроятно; и взялся онъ на о. Василия: «Я старше годами, мнѣ слѣдуетъ суммами церковными завѣдывать и читать самъ въ школѣ буду!..» Не знаю, чѣмъ все это кончится... Завтра къ школьному попечителю пойду,—честнымъ людямъ нужно безпремѣнно другъ дружку поддерживать!»

— Это правда,—сказала я,—а на комъ вы женаты?

— На вашей ученицѣ, Х. Д.

И онъ назвалъ знакомую мнѣ фамилію. «Она 5 лѣтъ ходила къ вамъ въ школу и хорошо научилась читать и писать. Конечно, Маріинскія гимназіи не для насъ, не по нашему состоянію; если бы не ваша школа, Богъ знаетъ, гдѣ бы и научиться! А теперь дѣвочка у насъ 5-й годъ—сама учить собирается... Знаете, что я вамъ скажу, Х. Д., если научите вы пятерыхъ дѣвушекъ,—это все равно, что вы 25 человѣкъ выучили, вѣдь дѣти у нихъ будутъ. Вотъ и мнѣ моя говоритъ: «Ты бы школу устроилъ въ той деревнѣ, гдѣ родился!..» — «Кумъ!—обратился онъ къ хозяину,—въ нашей Никитовкѣ, если тутъ дѣльце одно выгорить, непременно устрою!.. А недавно на 15 рублей книжечекъ туда послалъ—солдатику тамъ учить, только плохо учить. На что я самъ неучень, а понимаю, что плохо. Тамъ ли школѣ не быть: семьсотъ человѣкъ жителей, а, можетъ, теперь и больше. Вѣдь и съ нихъ что-нибудь можно собрать, если бы первый только устроитель нашелся».

Этотъ длинный сюртукъ и эта простая, горячая, разумная рѣчь настолько казались мнѣ трогательными, что я просто не могла говорить, боясь слезъ; я только думала... И вспомнился мнѣ почему-то одинъ педагогъ-педантъ, который назойливо приставалъ въ одномъ изъ нашихъ собраний къ намъ съ вопросомъ: «Выясните мнѣ цѣль воскресной школы!» Показала бы я ему этого простолюдина и спросила бы: «Теперь понимаете?»

20 апрѣля 1881 года.

Въ субботу Е. А. Шуствальдъ зашла заявить мнѣ, что она уѣзжаетъ на мѣсто и проситъ позаботиться пристроить ея группу. Она была очень грустна и, видимо, съ трудомъ удерживалась отъ слезъ, которыя подступили уже къ глазамъ. Я спросила, что сказать отъ нея ученицамъ. Она отвѣчала, что сама зайдетъ на минутку проститься.

Придя вчера въ школу и встрѣтивши по обыкновенію массу маленькихъ школьныхъ хлопотъ, вопросовъ и недоразумѣній, я позабыла о нашемъ школьномъ горѣ. Надо было заявить всѣмъ учительницамъ, что сейчасъ начнется

образцовый урокъ Н. М. Власовскаго, и я спустилась въ нижній этажъ. Войдя во вторую комнату, я увидала странное, поразившее меня зрѣлище: двѣ скамьи взрослыхъ ученицъ рыдали навзрыдъ. Слезы ребенка не такъ поражаютъ, какъ слезы взрослого человѣка,—дѣти чаще плачутъ. Я страшно перепугалась: мнѣ вдругъ почудилось какое-то несчастіе, но какое именно—я не могла опредѣлить въ эту минуту.

— Что случилось? — спросила я тревожно.

— Евлампія Александровна... — начала одна изъ ученицъ, всхлипывая, и не могла кончить отъ рыданій, но я, конечно, все поняла.

Е. А. уже не было въ классѣ; я встрѣтила ее въ передней. Она тоже ничего не могла говорить отъ слезъ и молча пожала мнѣ руку.

— Вотъ высшая нравственная награда, которую учительница можетъ получить за свой трудъ!—сказала я, указывая на ея комнату.

Простившись съ Е. А., я возвратилась въ верхній этажъ, позабыла объ образцовомъ урокѣ, сѣла въ музей и невольно задумалась. Мнѣ думалось: «Нравственная связь учительницъ и ученицъ воскресной школы не такъ ничтожна, какъ предполагають нѣкоторые. Человѣкъ, вызывающій рыданія при разлукѣ, непременно можетъ и долженъ имѣть вліяніе: его любятъ, ему вѣрятъ, его оплакивають. Правда, у насъ мало времени, но, вѣроятно, нравственное сближеніе измѣряется не количествомъ, а качествомъ. Можно молчать или говорить вздоръ цѣлые дни и недѣли и можно такъ проникнуться желаніемъ дать человѣку добро, вложить въ него свои идеалы, свои вѣрованія, что эти 4 часа въ недѣлю окажутся плодотворнѣе 4 дней и 4 недѣль»...

Изъ моего раздумья меня вывелъ преподаватель, которому была поручена группа Е. А. Онъ пришелъ посоветоваться, отпустить ли ученицъ, по ихъ просьбѣ, проводить учительницу. Разумѣется, рѣшили отпустить.

Къ 4 часу, къ уроку по Закону Божію, я встрѣтила снова ученицъ Е. А. на лѣстницѣ, спѣшавшихъ въ верхній этажъ. Глаза у нихъ были красны и припухли отъ слезъ,

но выраженіе лицъ было положительно веселое. Меня удивила такая быстрая перемѣна.

— Что, проводили?—спросила я.

— Какъ же!—отвѣчала та же высокая дѣвушка, которая прежде не могла выговорить слова отъ рыданій.—Только онѣ общались пріѣхать въ сентябрѣ непременно!

Ея некрасивое лицо окончательно просіяло въ эту минуту.

По окончаніи школы тотъ же преподаватель подошелъ ко мнѣ и сказалъ серьезно: «Однако, какъ хорошо была ведена группа Е. А!.. Какіе бойкіе отвѣты при чтеніи, какое толковое усвоеніе ариеметическихъ правилъ! Во всемъ видно самое добросовѣстное отношеніе къ дѣлу». Я выслушала и не удивилась.

1 января 1885 года.

Недавно зашелъ ко мнѣ одинъ знакомый пожилой господинъ. Онъ не педагогъ, но давно зналъ школу и интересовался ею въ качествѣ земскаго дѣятеля. Это было на Новый годъ. Въ то время, какъ онъ сидѣлъ у меня, мнѣ сказали, что меня желаетъ видѣть бывшая ученица школы Климова. Я очень хорошо помнила и лицо, и фамилію, и характеристику этой бывшей ученицы, хотя и потеряла ее на нѣсколько лѣтъ изъ виду. Я помнила, что это была дочь сторожа Государственного банка, некрасивая, но симпатичная и умная дѣвочка, очень настойчивая въ своихъ занятіяхъ по школѣ, но что случилось съ ней потомъ, я не знала, хотя она мнѣ и говорила какъ-то въ послѣдствіи о своемъ намѣреніи поступить на фельдшерскіе курсы. «Просите», сказала я и быстро пошла навстрѣчу.

Передо мною стояла молодая женщина весьма прилично одѣтая съ блѣднымъ, худощавымъ лицомъ, носящимъ на себѣ отпечатокъ не то усиленнаго труда, не то задумчивости.

— Не удивляйтесь, Христина Даниловна, что я пришла къ вамъ въ такой торжественный день,—сказала она съ чувствомъ,—я не отниму у васъ много времени; я пришла къ вамъ не просить, какъ приходятъ къ вамъ иные,—мнѣ

просто невыразимо захотѣлось сообщить вамъ именно въ этотъ торжественный день, что я, бывшая ученица вашей школы, окончила фельдшерскіе курсы, имѣю практику, вышла замужъ за порядочнаго человѣка, имѣю маленькую дочь и вполне счастлива. Впрочемъ, есть у меня къ вамъ просьба: подарите мнѣ вашу карточку. Иногда разговарюсь о школѣ, о васъ, и такъ хотѣлось бы показать васъ хоть на карточкѣ.

Я очень была тронута этой искренней рѣчью, подарила Климовой свою карточку, и черезъ нѣсколько минутъ она ушла.

Мой знакомый былъ невольнымъ свидѣтелемъ всей этой сцены.

— Неужели вы не записываете подобнаго рода фактовъ?—сказалъ онъ мнѣ горячо.—Вѣдь это просто грѣшно. Что значитъ ваша голая статистика въ сравненіи съ подобнаго рода отрадными явленіями: они характеризуютъ и жизнь, и вліяніе школы. Живя на Сумской улицѣ, я волею-неволею встрѣчаю по воскресеньямъ толпы вашихъ ученицъ, идущихъ въ школу и изъ школы, и увѣряю васъ, на нихъ лежитъ особенная печать порядочности и серьезности; онѣ не разглядываютъ по сторонамъ, ихъ не затрагиваютъ, книга въ рукахъ будто гарантируетъ ихъ отъ пошлости городской улицы. Дайте мнѣ слово, что фактъ, который сейчасъ совершился у меня на глазахъ, послужитъ первымъ камнемъ къ основанію осмысленной статистики.

Я не дала ему слова, но рассказала ему еще нѣсколько фактовъ, отъ которыхъ онъ пришелъ въ полнѣйшій восторгъ. Вотъ они:

Два-три года тому назадъ между нами появилась новая учительница, симпатичная молодая дѣвушка лѣтъ 22 — 23. Она получила группу и самымъ добросовѣстнымъ образомъ относилась къ занятіямъ своимъ. Всѣ уважали въ ней добраго и честнаго сотоварища по дѣлу, но ни съ кѣмъ она не сближалась особенно, за исключеніемъ NN, которая и выдала намъ ея тайну.

Учительница лѣтъ 10—11 тому назадъ была ученицей воскресной школы. Она молчала объ этомъ, потому что ей не хотѣлось рисоваться своимъ прошлымъ и обращать вниманіе на себя, но часто, при взглядѣ на эти скамьи, столы, книги, на лица старыхъ учительницъ, ей вдругъ припоминалось, какъ и она была въ толпѣ этихъ дѣтей, какъ выдавали ей ту же книгу, и тѣ же ласковые глаза смотрѣли на нее. Богъ знаетъ, не тогда ли упало въ эту юную душу первое сѣмя любознательности, не оно ли вывело ее на дорогу, не оно ли привело ее теперь въ школу развитою и образованною дѣвушкою! Если это такъ, то какъ должна школа гордиться ею и какъ она должна гордиться школою, въ которой она стоитъ теперь равноправнымъ членомъ корпораціи!..

Еще случай: лѣтъ 7—8 назадъ въ школу поступила маленькая дѣвочка Б..., дочь повара хозяйки дома, въ которомъ мы тогда квартировали. Она пробыла у насъ 2—3 года, затѣмъ, какъ слышала я, отецъ отдалъ ее въ приготовительный классъ гимназіи. Мы перешли на другую квартиру. и я потеряла ее изъ виду. Прошло много лѣтъ. Однажды, дочь моя, возвратившись домой изъ гимназіи, сказала мнѣ оживленно: «Ахъ, мама, если бы ты слышала, какъ сегодня одна изъ спеціалистокъ читала у насъ пробный урокъ! Всѣ пришли въ восторгъ!»

— Какъ же ея фамилія?—спросила я машинально.

Она назвала Б... На другой день я удостовѣрилась, что это была, дѣйствительно, она, а два года спустя я услышала, что она вышла замужъ, поселилась въ деревнѣ и открыла школу.

Да, это отрадные факты, и я дала, наконецъ, слово своему знакомому записать ихъ въ лѣтописи школьной жизни. А что же вы молчите о фактахъ противоположнаго свойства, вѣдь и они есть? спросать меня. Да, они тоже есть, отвѣчу я печально, но, чтобы не обезсилѣть подъ ихъ гнетомъ и не опускать безнадежно руки, будемъ лелѣять въ себѣ воспоминанія о тѣхъ свѣтлыхъ сторонахъ школьной жизни, которыя согрѣваютъ душу и вселяютъ въ нее бодрость и энергію...

27 января 1885 года.

Въ музей вошла женщина лѣтъ за 30, въ огромной заячьей шубѣ и пестромъ шалевомъ платкѣ на головѣ. Она имѣла видъ зажиточной мѣщанки-хозяйки. Ея некрасивое, рябое лицо освѣщала добрая многозначительная улыбка, а глаза искали, казалось, кого-то въ толпѣ. Я быстро пошла къ ней навстрѣчу.

— Христина Даниловна!— произнесла она радостно.— Я ваша ученица, помните?

И она назвала фамилію.

Правду сказать, я не могла припомнить ни ея лица, ни ея фамиліи.

— Забыли!—продолжала она тономъ, желающимъ выручить меня изъ неловкаго положенія.— Мудренаго мало, куды жѣ вамъ помнить всѣхъ! Сколько, можетъ, сотенъ перевернулось насъ передъ вашими глазами, а вы все одна—можно забыть! Да и лѣтъ немало прошло, я вотъ уже, слава Богу, одиннадцатый годъ замужемъ. Дѣвочекъ вамъ своихъ учиться привела.

— Дочерей?—спросила я.

— Нѣтъ, дочери еще малы, чтобы васъ беспокоить, я сама пока ихъ немножко приучаю, а вотъ дѣвушки-работницы живутъ у насъ—въ шитьѣ мнѣ помогаютъ: чѣмъ баловаться, пусть лучше въ школу ходятъ, я имъ худа не посоветую!

И она указала на двухъ взрослыхъ дѣвушекъ: одну—очень высокую, весьма скромнаго вида, другую—низенькую, толстенькую, съ жирнымъ улыбающимся деревенскимъ лицомъ.

— Что жѣ, можетъ-быть, вы желаете, а они сами не имѣютъ охоты къ ученью?—спросила я.

— Какъ можно!—возразила горячо хозяйка.—Какого же успѣха ждать безъ собственного желанія! Просто спать и видать школу, особенно, какъ я имъ начну рассказывать, и вы ужъ будьте спокойны насчетъ аккуратности, лучше сама что додѣлаю въ воскресенье, а ихъ отпущу. По себѣ

знаю, какъ пропускать школу! Бывало, не отпустить хозяйка, не пойдешь два, три раза, подруги-то твои куды впередъ выучили; сидишь какъ въ лѣсу, и ведутъ тебя къ другой учительницѣ, ужъ и нѣтъ этого хуже... и стыдно, и къ старой привычку имѣешь, и вины за собою никакой не чувствуешь... я неразъ черезъ это плакала... Ну, такъ, значить, могу я ихъ оставить?

— Можете!—отвѣчала я.

Хозяйка нагнулась къ уху низенькой дѣвушки и что-то шептала ей. Я не могла слышать словъ, но лицо выражало чисто материнскую заботу.

— Съ тѣмъ до свиданія!—обратилась она ко мнѣ.— Ужъ вы, пожалуйста, жалѣйте нашихъ дѣвушекъ — онѣ тутъ, въ городѣ, все равно, что сироты!

— Будемъ жалѣть!—сказала я искренно и горячо поцѣловалась съ этимъ рябымъ и некрасивымъ лицомъ.

1 апрѣля 1889 года.

Въ третьей комнатѣ верхняго этажа происходила спѣвка, а въ смежномъ съ нею классѣ задержались 3—4 дѣвочки съ очевиднымъ намѣреніемъ послушать, какъ поютъ подруги. Школьныя правила, преслѣдуя законы порядка, запрещаютъ, собственно говоря, такого рода своеволие, но мнѣ казалось оно довольно невиннымъ, и я, игнорируя присутствіе дѣтей, приводила въ музей въ порядокъ школьныя вещи.

Кончилась спѣвка, и вся эта шумная и веселая толпа пѣвчихъ наполнила прихожую, смѣясь и разговаривая. И вдругъ среди этого веселаго смѣха я услышала чьи-то сдержанныя всхлипыванья. Толпа моментально притихла, и слово «украдена» непріятно поразило мой слухъ. Всклипывала взрослая дѣвушка, давнишняя ученица школы; остальные печально и участливо смотрѣли на нее. Маленькія дѣвочки, какъ оказалось, исчезли до окончанія спѣвки, двѣ раньше, а третья, бѣленькая, съ веснушками, дочь полицейскаго, съ извѣстными ученицамъ именемъ и фамиліей, только что спустилась съ лѣстницы, и вновь при-

шедшая въ школу учительница видѣла даже, какъ на послѣдней ступенькѣ лѣстницы эта маленькая, бѣленькая дѣвочка въ веснушкахъ надѣла на себя сперва довольно элегантную черную кашемировую кофточку, очевидно, со взрослого человѣка, и затѣмъ уже еле напялила свое старенькое пальто. Улики были очевидны.

Есть люди, умѣющіе прощать и проникаться состраданьемъ къ порочному ребенку. Они внимательно и терпѣливо разсматриваютъ поступокъ со всѣхъ сторонъ и, если и приходятъ, въ концѣ-концовъ, къ карающему рѣшенію, то какъ-то спокойно и благоразумно, съ полнымъ сознаніемъ совершеннаго долга. Не то бываетъ со мной: порокъ возмущаетъ меня обыкновенно до глубины души, какъ и при какихъ обстоятельствахъ ни проявился бы онъ. Во мнѣ нѣтъ вопроса, равная ли это борьба и нѣтъ ли въ дѣлѣ смягчающихъ обстоятельствъ. Я чувствую только, что я должна карать зло неотступно и неотложно, во что бы то ни стало. Такъ было и тутъ. По моей просьбѣ одинъ изъ участниковъ школы взялъ тотчасъ извозчика съ намѣреніемъ поѣхать къ родителямъ воровки, а вечеромъ въ собраніи я говорила горячо и страстно о необходимости выключить маленькую преступницу во избѣжаніе какъ ея пагубнаго вліянія на другихъ дѣтей, такъ и во имя безопасности имущества ея бѣдныхъ сотоварокъ по школѣ; я говорила, что ее необходимо принести въ жертву для примѣра другимъ, что воспитательное вліяніе школы не можетъ простираться такъ далеко, что воскресная школа не есть исправительный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ, и что для того, чтобы исправить порочнаго ребенка, недостаточно разъ въ недѣлю видѣться съ нимъ, оставляя его шесть дней все въ той же неблагопріятной, по всей вѣроятности, обстановкѣ. Мнѣ возражали также горячо и убѣдительно, но вопросъ былъ рѣшенъ въ мою пользу незначительнымъ большинствомъ голосовъ.

На другой день утромъ мнѣ сказали, что на парадномъ ходѣ въ сѣняхъ меня спрашиваетъ какая-то женщина съ дѣвочкой. Въ залѣ шелъ урокъ семейной школы, и потому я поспѣшила выйти къ ней въ сѣни. Передо мной

стояла худощавая женщина маленькаго роста, какъ двѣ капли воды, походя на бѣленькую дѣвочку, а рядомъ съ нею моя старая знакомка. Женщина тихо плакала, а дѣвочка смотрѣла на меня смѣло въ упоръ. Меня взбѣсила эта закоренѣлость въ ребенкѣ, и я, усиливаясь не смотрѣть на плачущую женщину, обрушилась всѣмъ своимъ гнѣвомъ на маленькую дѣвочку.

Съ похолодѣвшими руками, дрожащимъ голосомъ я объясняла ей весь ужасъ ея поступка, рисовала картины будущаго исключенія изъ школы, острогъ, если она не исправится и не сознается сейчасъ же въ своемъ проступкѣ.

Дѣвочка попрежнему въ упоръ смотрѣла на меня и, вдругъ страшно поблѣднѣвъ, бросилась съ рыданіемъ къ матери. Мать отвѣчала ей такимъ же рыданіемъ и, обратившись ко мнѣ, начала говорить, прерывая свою рѣчь всхлипываніями: «Давеча панычъ не дождался ея, — къ теткѣ, говоритъ, заходила... никогда съ нею у насъ этого не было... и хоть бы созналась!.. Ужъ какъ я ее просила... Отецъ узнаетъ, хуже будетъ: онъ у насъ строгій, страсть, — убьетъ онъ ее... Убьетъ онъ ее!» повторила женщина снова и, рыдая, повалилась въ ноги. Подражая примѣру матери, дѣвочка тоже припала къ моимъ ногамъ.

— Не я, ей Богу, не я! Не буду, — повторяла она, вздрагивая своимъ худенькимъ тѣломъ.

Я опустила на деревянную скамейку, стоявшую въ сѣняхъ, и тоже рыдала. Увидѣвъ эти слезы, дѣвочка вдругъ оправилась и стала робко смотрѣть на меня. Я позволила ей къ себѣ, посадила рядомъ и, еле выговаривая слова, стала умолять сознаться въ кражѣ. Мнѣ казалось въ эту минуту, что въ этомъ сознаніи заключается все будущее благо ребенка. Мать стала горячо и со слезами просить ее о томъ же. Нервы дѣвочки, очевидно, не выдержали, и она опять начала всхлипывать и повторять какъ-то безсознательно: «Не я, ей Богу, не я! Не буду!..»

Рѣшили оставить это дѣло до завтра, чтобы навести кое-какія справки, и убитая горемъ мать повела за руку домой рыдающую дѣвочку.

Я возвратилась въ залу вся измученная и распатанная душевно, но вседневныя заботы скоро, по обыкновенію, захватили меня. Пришелъ почталіонъ съ интересными письмами, позвали обѣдать, пришли гости и незамѣтно подошла ночь. И вотъ, когда я легла въ постель съ намѣреніемъ уснуть, передо мной ярко нарисовалась такая картина: на окраинѣ города, въ полуосвѣщенной хатѣ, суровый отецъ - полицейскій колотитъ маленькую, худенькую дѣвочку, а та все тише и тише повторяетъ слабѣющимъ голосомъ: «Не я, ей Богу, не я! Не буду!..»

— Убилъ!—вскрикиваетъ, наконецъ, женщина, похожая на дѣвочку, и съ воплемъ бросается къ трупу ея...

«Зачѣмъ, о, зачѣмъ подняла я эту исторію!» взываю я, съ отчаяніемъ ломая руки, и быстро начинаю одѣваться, чтобы ѣхать туда, на окраину, и спасти этого ребенка. Но меня удерживаютъ, мнѣ говорятъ, что это сумасшествіе, что уже два часа ночи, что я въ жару. Да, я, дѣйствительно, больна и провожу остальную часть ночи въ безпамятствѣ.

Утромъ мнѣ говорятъ опять, что меня ждетъ женщина съ дѣвочкой. Съ радостно бьющимся сердцемъ я выхожу къ нимъ. Мнѣ не нужно больше ни уликъ, ни сознанія: она жива, она здѣсь. «Она не будетъ», говорю я ей, лаская ее и плача вмѣстѣ съ ней. И мы встрѣчаемся въ школѣ въ воскресенье, какъ давнишніе друзья, многозначительно поглядывая другъ на друга и даже улыбаясь. У насъ есть тайна, сблизившая насъ, у насъ было горе, сдѣлавшее насъ родными.

Съ тѣхъ поръ проходитъ годъ. Потерпѣвшая дѣвушка давно уже справила себѣ кофточку на внесенныя мною деньги. Всѣ позабыли объ этомъ незначительномъ случаѣ, и никто не узнаетъ даже провинившейся дѣвочки въ этой маленькой, бѣленькой ученицѣ, такъ похожей на другихъ. Одна только я вижу, какъ по окончаніи классовъ эта маленькая, бѣленькая дѣвочка быстро оббѣгаетъ ихъ, заглядывая по угламъ и подъ партами, и почти всегда приносить мнѣ съ торжествующимъ видомъ то позабытую кѣмъ-либо книгу, то карандашъ, то платочекъ, прося возвратить

это по принадлежности. Ей, видимо, невыразимо хочется заслужить мое полное довѣріе, и когда я поручаю поберечь ей мой саквояжъ съ кошелькомъ или даю отнести мои вещи, лицо ея всегда сіяетъ радостью. Она не хочетъ обыкновенно пересказывать прочитанныя книги никому, кромѣ меня, какъ долго бы ни приходилось ей ждать этого счастья, и, какъ поздно бы ни возвращалась я изъ школы, она непременно провожаетъ меня.

Съ тѣхъ поръ въ школѣ не было, слава Богу, ни одной пропажи, а если и будетъ, я буду твердо увѣрена, что виновата не она.

5 апрѣля 1889 г.

Незадолго до нашего школьнаго праздника, на Святой, я узнала, что одна изъ нашихъ учительницъ воскресной школы при смерти, больна; хроническая болѣзнь сердца приняла на этотъ разъ особенно рѣзкій характеръ, и медики не ручаются за жизнь.

Мнѣ очень нездоровилось въ этотъ день, но желаніе навѣстить больную превозмогло это нездоровье, и я пошла къ ней. Въ маленькой комнатѣ, на узенькой кровати я увидѣла больную; голова ея была закинута нѣсколько назадъ, а исхудалыя руки протянуты вверхъ одѣяла. Правильныя черты ея лица, какъ бы отточенныя болѣзнью, были прекрасны и напоминали прежнюю безвременно увядшую красоту. Щеки были покрыты зловѣщимъ румянцемъ, глаза полуоткрыты. Очевидно, она была въ забытіи.

Услышавши мой голосъ, она широко открыла глаза и съ пылающими щеками заговорила бодро, точно совсѣмъ здоровый человѣкъ: «Христина Даниловна! На-дняхъ у насъ праздникъ, раздача книгъ. Хорошо, если я выздоровлю и сама приду выбрать ихъ, а если нѣтъ, ради Бога, выберите получше, особенно Дудоровой и Бѣлогуровой. Если бы вы знали, какія это хорошія дѣвочки! Такъ, пожалуйста, не забудьте—Дудорева и Бѣлогурова, Дудорева и Бѣлогурова, повторяла она слабѣющимъ голосомъ, и голова ея снова откинулась на подушку, а лицо искривилось страдальче-

скимъ выраженіемъ отъ ощущенія какой-то невыносимой боли.

Нервы мои были слишкомъ напряжены, и я поспѣшно вышла на улицу.

«Дудорева и Бѣлогурова, Дудорева и Бѣлогурова»... повторяла я какъ-то машинально, и рыданія сжимали мнѣ горло...

17 апрѣля 1889 г.

Мнѣ пришли сказать, что въ передней ждетъ меня какая-то женщина. Я вышла и увидѣла знакомую худощавую фигуру пожилой дѣвушки, бывшей ученицы А. М. Калмыковой.

Опустившись безсильно на стулъ и закрывъ лицо платкомъ, она горько плакала. Ея сутуловатыя плечи подергивались отъ рыданій, и по блѣдному лицу пробѣгала нервная судорога.

— Что съ вами?—съ участіемъ спросила я, быстро подходя къ ней и предположивъ какое-либо личное горе.

Нѣсколько минутъ отвѣта не было; наконецъ, съ трудомъ осиливъ себя, она проговорила отрывисто и не договаривая словъ: «Александр... Михайл... мужъ... померъ... прочла въ газетѣ»...

Я стояла передъ ней молча. «Кто изъ насъ, интеллигентныхъ людей, встрѣтилъ съ такою отзывчивостью эту роковую вѣсть?» думала я, глядя съ благоговѣніемъ на эти слезы.

«А Андреечка... сынъ... вѣдь онъ славный такой... я бывала у нихъ, видѣла, какъ онъ любилъ отца... перенесетъ ли онъ... вѣдь онъ у нея одинъ!»

И новый приступъ рыданій прервалъ слова плачущей женщины.

Я стала успокаивать ее и утѣшать, какъ могла.

Силясь, очевидно, совладать съ собою, она продолжала дрожащимъ голосомъ: «Прочла я это нынче утромъ въ газетѣ (она же меня и читать научила), и такая меня тоска взяла, куда бѣ дѣлась! пошла на кладбище,—думала легче

станетъ, бродила, бродила по кладбищу, вижу—склепъ кому-то заготовляютъ, подошла и спрашиваю: «кому это?»

«— А это господина одного изъ Италіи привезутъ», отвѣчали мнѣ. «Вѣрно жъ, это его», подумала я, и такъ у меня ажъ сердце затрепетало, какъ представила я, что, можетъ-быть, увижу Александру Михайловну. Съ 8 февраля отъ нихъ никакого извѣстія не имѣла, а 8 онѣ мнѣ писали, что ѣдутъ въ Ниццу. Съ тѣхъ поръ—ни слова. Иду я съ кладбища, горько плачу, люди смотрятъ на меня, думаютъ: «Вѣрно, родственникъ какой-нибудь померъ, а у меня, одинокой, даже и на кладбищѣ родни никакой нѣтъ».

Я заявила ей, что ѣду завтра въ Петербургъ, и предложила передать письмо Александрѣ Михайловнѣ.

— А когда отходить поѣздъ?—спросила она меня.

— Въ шесть часовъ вечера,—отвѣчала я ей.

— Ну, хорошо, — продолжала она, какъ бы думая вслухъ. — Пойду я теперь домой и буду писать письмо до самаго завтрашняго вечера; вѣдь я плохо пишу, не скоро... прямо на вокзалъ вамъ его принесу.

«Выльетъ ли она свою грусть въ этомъ малограмотномъ письмѣ и выразить ли въ нескладныхъ фразѣхъ степень отзычивости своей прекрасной души?» думала я, прощаясь съ ней.

Надо замѣтить, что А. М. Калмыкова уѣхала изъ Харькова 4 года тому назадъ, хотя, впрочемъ, ученица и прибѣгала повидаться съ ней во время ея проѣзда черезъ Харьковъ въ прошломъ году.

Къ вечеру оказалось, однако, что у малограмотной писательницы не хватило пороку писать письмо два дня сряду: въ сумерки она принесла мнѣ запечатанный конвертъ большого формата, на которомъ былъ тщательно выведенъ адресъ.

10 ноября 1891 г.

Вопросъ объ отказѣ малолѣтнимъ продолжаетъ терзать насъ. Срокъ приѣма окончился, мѣстъ нѣтъ, въ звуковой группѣ прошли уже значительную часть алфавита, а онѣ

прибываютъ и прибываютъ въ школу цѣлыми толпами, точно волны къ любимымъ берегамъ, и никакъ ума не приложить, что съ этимъ дѣлать. Но и тутъ, какъ вездѣ въ жизни, бываютъ свои удачники и неудачники: одна тронула слезами, другую удалось внѣдрить на мѣсто ученицы, пропустившей нынѣшній разъ, ввиду соображенія, что въ каждое данное воскресеніе возможенъ случай пропуска, третью привелъ отецъ и просилъ за нее такъ трогательно, что не хватило духа отказать, причемъ произносилось почти безнадежно: «Ужъ гдѣ-нибудь нужно ее посадить!» четвертая, благодаря своему росту, выглядѣла немножко постарше другихъ и т. д. И вотъ въ то время, какъ эти удачники стоятъ съ зелеными билетиками въ рукахъ и съ торжествующими лицами, неудачники уныло бредутъ домой или съ какимъ-то безнадежнымъ упрямствомъ остаются въ той же передней, отодвигаясь на задній планъ и какъ бы не желая понять тѣхъ рѣшительныхъ и безповоротныхъ словъ отказа, которыя сказаны имъ.

Передъ столомъ, накрытымъ зеленой скатертью, на которомъ ведется записъ поступающихъ, стоятъ двѣ маленькихъ дѣвочки въ новенькихъ шубкахъ и красныхъ вязаныхъ капорахъ. Онѣ—близнецы и такъ похожи другъ на друга, что вамъ кажется, будто у васъ двоится въ глазахъ. Дѣвочки, очевидно, очень сконфужены: ихъ покраснѣвшія щеки соперничаютъ яркостью цвѣта съ капорами, большіе черные глаза неподвижно смотрятъ на учительницу, какъ бы не смѣя сморгнуть,—они выражаютъ недоумѣніе, почти испугъ. Желая ободрить ихъ и добиться отвѣта, учительница старается на всѣ лады разнообразить вопросы, необходимые для статистики. «Чьи вы? Кто вашъ папаша? Гдѣ онъ служитъ? Чѣмъ онъ занимается?» говоритъ она ласково. Дѣти молчатъ. Вѣроятно, мечтая о школѣ, они воображали, что стоитъ имъ переступить порогъ, какъ ихъ сейчасъ посадятъ на школьную скамейку, дадутъ имъ книгу съ картинками и станутъ учить. И вдругъ вмѣсто этого какіе-то вопросы о томъ, кто папаша и мамаша, чѣмъ они занимаются и т. д.

Наклонясь къ учительницѣ такъ, чтобы дѣти не слышали, я говорю ей: «И малы, и, видимо, не развиты, а главное эти щегольскіе шубки и капоры! Почему бы имъ не учиться въ ежедневной школѣ, платя хотя бы по рублю въ мѣсяцъ!» Наконецъ, кое-какъ добиваемся, что мать ихъ прачка, отецъ разноситъ повѣстки въ управѣ, а въ школу привела ихъ одна изъ нашихъ ученицъ, которая занимается теперь въ классѣ, и обнадежила, что ихъ примутъ непременно. Рѣшено было подождать перемѣны и освѣдомиться, что дало поводъ этой дѣвушкѣ такъ положительно ручаться за пріемъ въ школѣ. Настала перемѣна. Завѣдующая распредѣленіемъ группъ ушла съ счастливыми зелеными билетиками въ классы, а передо мной стояли близнецы съ своею покровительницей. Но каково же было мое удивленіе, когда вмѣсто взрослой дѣвушки, которую поджидала я, я увидѣла такую же крошечную дѣвочку, которая спокойно и солидно держала близнецовъ за руки. Лицо дѣвочки было серьезно и въ то же время весело, большіе сѣрые глаза смотрѣли бойко и смѣло. «За что жъ это вы ихъ не принимаете, Христина Даниловна?» спросила она меня учтиво и глядя прямо въ упоръ.—«Точно ты не знаешь,—отвѣчала я ей въ тонъ,—что пріемъ малолѣтнихъ окончился еще въ октябрѣ!»

— А меня самое давно ли вы приняли, да и не меня одну, а многихъ!—продолжала она тѣмъ же настойчивымъ тономъ.—Какъ же можно,—я ихъ мамашу обнадежила, какъ же я теперь покажусь ей на глаза?

Дѣвочка положительно вовлекаетъ меня въ разговоръ, помимо моей собственной воли, и мнѣ хочется оправдаться передъ нею.

— Мало чего, — говорю я ей, — а у нихъ вонъ мама прачка, отецъ разсыльный, оба зарабатываютъ, ихъ только два, почему бы не отдать учиться по буднямъ за плату? Погляди, вонъ какіе на нихъ шубки и капоры!

— Эхъ, Христина Даниловна! — говоритъ маленькая женщина совсѣмъ уже дѣловымъ тономъ.—Развѣ можно въ чужомъ карманѣ считать? Мамаша ихъ бьется, бьется съ утра до вечера, едва на харчи зарабатываетъ, а папаша

тоже... велико ли его жалованье! А дороговизна нынче на базарѣ такая, что не дай Богъ!.. А что эти шубки, такъ ихъ тоже изъ стараго пальто справили, чтобъ въ школу приличнѣе было пойти, а капоры сама ихняя мамаша связала, только шерсти купила. Я жъ съ ними на одномъ дворѣ живу, такъ знаю!

Я не нахожу въ себѣ больше возраженій. Вѣроятно, подмѣтивши это, маленькая женщина, подвигаясь ко мнѣ и похлопывая меня фамиллярно по рукѣ, говоритъ дружески:

— Ну, ужъ нечего, нечего, записывайте да и только!

— Велить принимать! — говорю я весело возвратившейся учительницѣ.

Близнецы приняты, красные капоры тонуть гдѣ-то въ классной толпѣ съ своей покровительницей, а передняя все-таки полна еще алчущими и жаждущими свѣта съ унылыми личиками и глазами, полными слезъ.

— Я не могу, идите сами имъ отказывать! — говоритъ мнѣ завѣдующая пріемомъ почти сурово, но я хорошо понимаю источникъ этой суровости и иду уговаривать дѣтей уходить домой, утѣшая ихъ далекой надеждой на сентябрь мѣсяцъ будущей осени.

20 ноября 1892 г.

Проходя быстро черезъ нашу домашнюю переднюю, я неожиданно замѣтила на диванчикѣ пожилую женщину, по виду мѣщанку, и совсѣмъ молоденькую дѣвушку, имѣющую видъ скорѣе приличной горничной, чѣмъ барышни. Въ первую минуту я не узнала было пожилой женщины, но довольно было мнѣ взглянуть пристально въ ея добрые каріе глаза и на всю ея худощавую фигуру, чтобы признать въ ней свою ученицу, много лѣтъ назадъ покинувшую школу. Какъ только я приблизилась къ нимъ, пожилая женщина заговорила со мной совсѣмъ просто, по-дружески, улыбаясь своей доброй улыбкой, точно будто между нами не легло того десятка лѣтъ, въ который мы не видались другъ съ другомъ.

— А вотъ я вамъ свою племянницу приведу,—заговорила она съ отѣнкомъ гордости.—Въ обществѣ (учительницъ и воспитательницъ) ее направляли прямо въ воскресную школу, а я говорю ей: нѣтъ, постой, пойдемъ сперва-на-перво къ Христинѣ Даниловнѣ! Пойдешь ты въ школу, никто тамъ тебя не знаетъ, и ты никого не знаешь, а какъ вручу я тебя самой Х. Д.,—это лучше дѣло будетъ. Она тебя и обласкаетъ и наставитъ, все какъ слѣдуетъ.

Я приняла молодую дѣвушку за ученицу. Замѣтивши это, тетка поспѣшила исправить мою ошибку.

— Нѣтъ, вы напрасно такъ о насъ думаете,—заговорила она, весело улыбаясь,—мы окончили гимназію съ серебряною медалью!—И она взяла свертокъ съ аттестатомъ и съ гордостью развернула его передо мною.—Я и школу вашу воскресную тогда изъ-за нея покинула. Какъ умеръ сестринъ мужъ, отставной шевронистъ, сестра-вдова должна была къ намъ съ четырьмя малолѣтними дѣтьми переселиться; эта была старшенькая. Ну, конечно, работы мнѣ вдвое прибавилось; до школы ли тутъ? Я и замужъ черезъ это не пошла. И если есть у меня о чемъ-нибудь память пріятная, такъ это о вашей школѣ; вѣкъ бы не бросила ея, если бы не такія обстоятельства.

И она начала вспоминать дорогое для нея прошлое; начала спрашивать меня, гдѣ теперь А. М. Калмыкова, въ группу которой она была передана изъ моей, гдѣ учится сынъ ея Андреечка, что сталося со всѣми моими дѣтьми?

Я охотно отвѣчала на всѣ эти вопросы и рассматривала исподтишка племянницу. Ея свѣжее, молодое лицо сохранило еще совсѣмъ младенческое выраженіе. Она весело и доверчиво смотрѣла на меня, увѣренная теткой, что я иначе не могу встрѣтить ее, какъ привѣтомъ.

— Что же, вамъ хочется принять участіе въ нашей воскресной школѣ?—спросила я ее дружелюбно.

— Да, мнѣ такъ скучно дома!—отвѣчала простодушно дѣвушка.—Прежде, бывало, утромъ въ гимназіи, вечеромъ учишь уроки, въ воскресенье возьмишь книгу изъ гимназической бібліотеки, а теперь ничего этого нѣтъ, даже книги негдѣ достать. Кромѣ того, я никогда въ жизни не

видѣла ни одной школы, и мнѣ такъ интересно взглянуть на вашу.

Очевидно, вопросъ объ общественной дѣятельности не коснулся еще ума и сердца этого 17-лѣтняго ребенка, и малограмотная тетка, бывшая ученица воскресной школы, стояла ступенью выше въ этомъ отношеніи. «Я ей говорю,— продолжала она оживленно,—если хочешь настоящей учительницей быть, погляди прежде на другихъ, какъ учатъ, какъ занимаются; книжки изъ школы бери; тамъ ихъ тьма-тмушкая, полные шкафы; въ разговоры съ умными людьми вступай, совѣта проси. Вотъ еще у насъ горе насчетъ французскаго и нѣмецкаго языка: некому и не за что было приготовить во-время, а теперь мы провѣдали, что въ «обществѣ» 2 р. 50 к. берутъ въ мѣсяцъ, чтобы научить по-французски или по-нѣмецки. Ну, ужъ два съ полтиной— не Богъ знаетъ что такое, какъ-нибудь собьемся. По буднямъ будетъ по-нѣмецки учиться, а по воскресеньямъ въ школу вашу ходить. А, впрочемъ, мы мѣшаемъ вашимъ занятіямъ», спохватилась она деликатно и стала прощаться. Мнѣ очень хотѣлось еще посидѣть и поговорить съ этой почтенной личностью, но я знала, что на рукахъ у меня докладъ о звуковыхъ группахъ и отчетъ о моей послѣдней поѣздкѣ въ Петербургъ, которые обязательно должны быть готовы къ понедѣльнику. Простившись съ этими симпатичными людьми, я не могла, однако, взяться ни за докладъ ни за отчетъ, а занесла въ дневникъ эти нѣсколько строкъ. Кромѣ того, меня назойливо преслѣдовала мысль о томъ, что школа наша все больше и больше становится школою учительницъ, и я съ горячей симпатіей думала о той молодой, но опытной въ дѣлахъ общественныхъ дѣвушкѣ, которая задалась цѣлью, помимо многочисленныхъ школьных собраний, приглашать къ себѣ зеленую молодежь и бесѣдовать съ нею о цѣляхъ и задачахъ школы. Въ лицѣ молоденькой учительницы, которая только что сидѣла передо мною, она встрѣтитъ ту дѣвственную почву, на которой можно посеять многое и многое: пусть не даромъ малограмотная тетка вѣритъ въ силу и значеніе воскресной школы, научившей ее грамотѣ!

27 декабря 1892 года.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ и совѣщаній рѣшено было, что 27 декабря, на третій день Рождества, занятія въ школахъ состоятся, такъ какъ учебныхъ дней у насъ и безъ того мало и слѣдуетъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы увеличить ихъ. Рѣшеніе состоялось, но никто не могъ предвидѣть, что въ четвергъ, наканунѣ Рождества, мы получимъ роковое извѣстіе о смерти инспектора народныхъ училищъ, Ивана Яковлевича Литвинова. Но почему же «роковое»? И что такое въ сущности инспекторъ? Чиновникъ, исполняющій болѣе или менѣе добросовѣстно возложенныя на него обязанности, — официальное лицо, долженствующее слѣдить, съ достаточной ли точностью выполняются въ школахъ всѣ предписанія, распоряженія и правила... И что намъ за дѣло живъ ли онъ или умеръ?.. Не будетъ его, будетъ другой такой же чиновникъ въ синемъ мундирѣ съ серебряными пуговицами и такъ же, какъ и онъ, потребуеетъ отчета нашихъ дѣйствій, и мы, какъ и прежде, не побоимся этой отчетности, такъ какъ у насъ все въ порядкѣ, все соотвѣтствуетъ предъявляемымъ къ намъ требованіямъ.

Но почему же вѣсть о кончинѣ И. Я. Литвинова такъ поразила всѣхъ насъ? А потому, что это былъ не только инспекторъ, но и человѣкъ, не только человѣкъ, но и общественный дѣятель, — потому, что при мысли объ утратѣ его, въ воображеніи нашемъ разомъ нарисовалась картина его честной труженической жизни: тамъ, вдали, мы видѣли ребенка, мальчика крестьянской семьи, затѣмъ способнаго и умнаго юношу, выбившагося на дорогу, кормильца родныхъ, затѣмъ скромнаго общественнаго дѣятеля, носящаго кличку инспектора и втихомолку, исподволь согрѣвающего своимъ дыханіемъ чахлое дѣло народнаго просвѣщенія... Намъ нарисовались тѣ десятки библиотекъ, которыя создалъ онъ изъ ничего при бѣдныхъ сельскихъ школахъ, тѣ сотни народныхъ учительницъ, которыя находили въ немъ поддержку, теплый привѣтъ, ободряющую надежду, посильную помощь. Сколько слезъ прольется надъ

этой свѣжей могилой, сколькихъ поразить въ самое сердце дошедшая до нихъ печальная вѣсть! У него нѣтъ семьи, жены, дѣтей, но какъ обширна та семья, которой близокъ и дорогъ онъ, сколько сиротъ оставилъ онъ, покинувши жизнь!.. И слезы эти будутъ литься не въ пышныхъ палатахъ, не на показъ, а въ темныхъ медвѣжьихъ углахъ глухихъ захолустій, никѣмъ не зримыхъ, втихомолку,—въ тѣхъ углахъ, гдѣ появленіе его, инспектора, не вносило страхъ и трепетъ, а радость, свѣтъ и счастье.

Вѣсть объ его смерти застала меня на именинахъ невѣстки моей Евгеніи Александровны. Все было радостно и весело вокругъ. Посрединѣ комнаты сіяла огоньками красивая ель, вся блестящая и разукрашенная, точно молодая красавица. Центромъ праздника былъ крошечный, весь въ розовомъ ребенокъ, только что вступающій въ жизнь. Няня высоко держала его надъ всѣмъ окружающимъ, и онъ, широко улыбаясь, смотрѣлъ удивленными глазами на всѣ эти невѣдомыя чары. Какой рѣзкій контрастъ представляло собою это розовое улыбающееся дитя и эта мрачная вѣсть! Она какъ-то неожиданно ворвалась въ этотъ пріютъ счастья и омрачила его. Она моментально вытѣснила изъ моего сердца свѣтлый образъ розоваго ребенка и заставила перенестись мыслью въ маленькую, мрачную, одинокую комнату, гдѣ все было такъ печально и грустно. Но въ то время какъ что-то болѣзненно ныло въ душѣ, во мнѣ вдругъ проснулся общественный человѣкъ. «Похороны, процессія, рѣчи, вѣнки»... подумала я и поняла, что невозможно терять времени. Завтра Рождество; въ настоящую минуту 9 ч. вечера; все заперто по случаю преддверья праздника. И если бы не телефонъ, дѣйствующій со сказочной силою, ужъ, конечно, у меня не было бы роскошнаго вѣнка съ бѣлой траурной лентой, на которой крупными буквами было напечатано: «Глубокоочтимому общественному дѣятелю отъ учительницъ Х. ч. ж. в. школы». И я ѣхала на другой день съ этимъ вѣнкомъ по направленію къ скромному жилищу почившаго труженика.

У воротъ маленькаго низенькаго домика стояли два мальчика въ валенкахъ и башлыкахъ, съ красными отъ

мороза лицами. Очевидно, эти школьники издалека пришли проститься съ покойникомъ, въ то время, какъ сверстники ихъ праздновали Рождество и весело разгуливали въ праздничной компаніи. Но сторожъ-старикъ судилъ по-своему. «Проходите, проходите, Богъ съ вами!—говорилъ онъ отеческимъ тономъ, выпроваживая дѣтей.—Ужъ вы и при жизни-то ему наскучили; довольно онъ съ вами похлопоталъ... да и комната-то маленькая: поставили гробъ—негдѣ повернуться... И хоть бы въ кухню прежде пришли, разспросили, можно ли, а то прямо въ домъ». И дѣти съ унылыми лицами побрели молча обратно.

«О, если бы онъ могъ заговорить,—думала я,—онъ, навѣрное, возвратилъ бы этихъ дѣтей и далъ имъ мѣсто у своего гроба».

Но старичокъ-сторожъ судилъ по-своему. Онъ давно служилъ при покойникѣ. Его старческіе глаза были заплаканы и красны, и морщинистое лицо еще больше съежилось и осунулось. Его суровое выраженіе какъ будто говорило вамъ: «Какимъ образомъ угасъ этотъ здоровый, полный силы человекъ, въ то время, какъ я девятый десятокъ лѣтъ влачу свое жалкое существованіе?.. А тутъ еще эти мальчишки!»

Комната, дѣйствительно, была маленькая, и все вниманіе наше сосредоточивалось на столѣ и мертвецѣ. Никогда въ жизни я не видала такого одинокаго покойника: ни отца, ни матери, ни жены, ни сестры, ни брата,—никого! Правда, мы узнали, что дано знать въ деревню и что какой-то племянникъ, оставшійся въ живыхъ, плетется теперь, вѣроятно, по санному пути, но и только. Въ передней плачетъ чужая женщина-служанка, въ углу утираетъ слезы старушка-хозяйка, и безкорыстный другъ-профессоръ, возложившій на себя обязанности распорядителя у этого одинокаго гроба, въ веселый день Рождества встрѣчаетъ насъ, также тщетно удерживаясь отъ слезъ. Все это люди чужіе ему, и всѣ они плачутъ. Вѣроятно, каждый, кто сталкивался съ нимъ на жизненномъ пути, не могъ оставаться равнодушнымъ къ этой утратѣ. Но въ комнатѣ все-таки сиротливо и грустно. Мы подходимъ и кладемъ у ногъ его нашъ роскошный

вѣнокъ. Розы, фіалки, незабудки какъ-то разомъ какъ будто освѣщаютъ это скромное жилище, какъ будто говорятъ о тѣхъ чувствахъ симпатіи, любви, уваженія, передъ которыми безсильна смерть, а бѣлая атласная лента извивается широкой полосой, и черныя рельефныя буквы торжественно гласятъ: «Глубокочитимому общественному дѣятелю...»

«Это первый вѣнокъ, а сколько будетъ ихъ потомъ и съ какимъ чистымъ сердцемъ возложатся они на эту свѣжую могилу!» думаю я, возвращаясь домой печальная, но умиротворенная этими думами.

Но что же сломило его, этого гиганта крестьянской семьи, этого крѣпкаго, здороваго человѣка въ 40 лѣтъ? Почему бы не жить ему, не работать, не вносить ту долю блага въ жизнь, въ которой такъ нуждается страждущее человѣчество? «Порокъ сердца», отвѣчаетъ медицина, не входя въ подробности того, какими тревогами жило это сердце и какую смертельную рану нанесла ему жизнь. Помню, это было годъ назадъ. Онъ вошелъ ко мнѣ блѣдный и взволнованный; на немъ, что называется, лица не было.

— Что съ вами, Иванъ Яковлевичъ?—спросила я заботливо.

Онъ тяжело опустился въ кресло и молча подаль мнѣ официальную бумагу. Это былъ циркуляръ о передачѣ школъ въ духовное вѣдомство. Циркуляръ этотъ поразилъ и меня сгоряча въ самое сердце, но я обладаю счастливой способностью приспособливаться къ жизни, мириться, прощать. Прошелъ годъ,—одинъ только годъ, и я совсѣмъ уже помирилась съ новой реформой. 2—3 привѣтливыхъ письма отъ духовенства, 2—3 церковно-приходскія школы, примѣняющія наши программы, 2—3 священника, фанатически относящихся къ дѣлу, и оптимизмъ мой рисуетъ передо мною самыя радужныя картины. Не таковъ былъ Иванъ Яковлевичъ.

Когда я взглянула тогда на его поблѣднѣвшее, осунувшееся лицо, я невольно подумала:

«Нѣтъ, не пережить ему этой реформы съ его порокомъ сердца», и подѣлилась даже своими наблюденіями съ близкими людьми.

И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ мы не видали его здоровымъ и бодрымъ, какъ прежде. Онъ какъ-то сгорбился, похудѣлъ; исчезла прежняя энергія, сила, и чувствовалась какая-то вялость, индифферентизмъ, когда онъ разговаривалъ съ вами. Но стоило заговорить о новой реформѣ, чтобы его запавшіе глаза загорались гнѣвомъ, поблѣднѣвшія губы подергивала нервная судорога и чтобы онъ горячо и страстно доказывалъ вамъ о силѣ зловреднаго вліянія этой новой реформы. Въ послѣднее время, негодуя, очевидно, на присущій мнѣ оптимизмъ, онъ совсѣмъ бросилъ бывать у насъ—и вдругъ эта вѣсть!..

Профессоръ-другъ рассказывалъ мнѣ о его кончинѣ. Онъ умеръ съ мыслью о нашей школѣ. Въ бреду онъ говорилъ постоянно о нашемъ новомъ планѣ устройства филиальнаго отдѣленія; заботился, гдѣ помѣстить его, кто станетъ во главѣ этого учрежденія, а главное, какъ сдѣлать такъ, чтобы оно не попало въ руки духовенства.

Всѣ свои скудныя сбереженія, все, что имѣлъ онъ, онъ завѣщалъ бѣднѣйшимъ школамъ земства, которое такъ горячо любилъ онъ, и это земство постановило теперь воздвигнуть памятникъ скромному труженику - дѣятелю на нивѣ народнаго образованія.

Фанатизированная мыслью о кончинѣ и погребальной процессіи, долженствующей итти за гробомъ этого чловѣка, я готова была бы собрать всѣ школы, всѣхъ учителей и учительницъ, всѣхъ честныхъ людей, чтобы устроить торжественное шествіе. Но сдѣлать этого я, конечно, не могла. Между тѣмъ воскресный день совпалъ какъ разъ съ его похоронами. Прийдя въ школу, я тотчасъ же собрала въ залу учительницъ и ученицъ и обратилась къ нимъ съ горячими словами, встрѣтившими общее сочувствіе; особенно горячо я разговаривала съ ученицами, которымъ надо было разъяснить все значеніе дѣятельности покойника и всю необходимость вести себя тихо и прилично на этихъ похоронахъ. Въ церковь мы не рѣшились итти, предвидя, что тамъ будетъ толпа, а двинулись стройно и медленно навстрѣчу погребальной процессіи. Въ этомъ скромномъ школьномъ шествіи было нѣчто необычайно

торжественное и трогательное. Полтора ста паръ ученицъ тихо и медленно двигались одна за другою въ сопровожденіи 60 учительницъ. Я шла впереди, держа за руку самую маленькую дѣвочку, иррегулируя медлительность шествія. Какъ вдругъ передо мной, какъ будто изъ земли, выросъ какой-то голубоглазый человѣчекъ и, преграждая дорогу, сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Кто позволилъ вамъ итти цѣлою школою за этой процессіей? У кого вы спросили на то разрѣшеніе? Прошу васъ сейчасъ же разстроить все это.

Минута была рѣшительная: этотъ незнакомый человѣкъ былъ новый инспекторъ, пришедшій на смѣну И. Я. Литвинову. Въ первую минуту у меня болѣзненно сжалось сердце!

«Такъ скоро!—невольно подумала я.—Разстроить!.. Но что подумаютъ о насъ эти дѣти, что скажутъ они родителямъ, возвратясь домой? Какое впечатлѣніе произведетъ все это на только что поступившихъ къ намъ молодыхъ учительницъ? Какія, наконецъ, послѣдствія будетъ имѣть для школы весь этотъ уличный скандалъ?.. Нѣтъ, надо дѣйствовать и дѣйствовать рѣшительно, чтобы выйти съ честью изъ этого постыднаго положенія!»

Гордость всей моей жизни составляло то обстоятельство, что я никогда и ни за чѣмъ не обращалась къ начальству въ роли просительницы, никогда нога моя не переступала порога попечителя, губернатора, министра. Въ этомъ я видѣла сохраненіе человѣческаго достоинства, несмотря на всѣ тѣ приниженія, которыя пришлось вынести мнѣ за излюбленное школьное дѣло. И вотъ теперь, въ эту минуту, я теряла это послѣднее сознаніе: я ѣхала къ попечителю о чемъ-то просить его, за что-то кланяться. Рыданія душили мнѣ горло, и я вошла въ сѣни вся въ слезахъ.

— Больны, не принимаютъ, — сказалъ мнѣ старикъ-сторожъ, отворяя дверь.

Но слезы мои тронули его. Онъ выслушалъ мою просьбу и согласился доложить о ней. Черезъ минуту я стояла въ роли просительницы у дверей обширной комнаты и горько

плакала. Изъ боковой двери кабинета вышелъ старикъ-попечитель и быстрыми шагами направился ко мнѣ.

— Ваше превосходительство!.. — произнесла я первый разъ въ жизни, рыдая. *Шире на мнѣмъ мнѣмъ*

И эти непривычныя слова какъ-то дико и странно прозвучали въ моихъ собственныхъ ушахъ. Но добрый старикъ не заставилъ меня повторить ихъ; онъ, видимо, былъ крайне тронутъ и даже перепуганъ моимъ душевнымъ состояніемъ и, заподозрѣвъ, вѣроятно, серьезную причину, пожалуй, политическаго свойства, началъ искренно и заботливо успокаивать меня.

— Ради Бога, успокойтесь!—говорилъ онъ ласковымъ голосомъ, взявши меня за руки и придвигая кресло.— Я сдѣлаю все, что могу,—все, что зависитъ отъ меня.

Очевидно, онъ не могъ предположить, что рѣчь идетъ только о проводахъ чиновника, состоявшаго на государственной службѣ. И черезъ 2—3 минуты я возвращалась торжествующая навстрѣчу печальной процессіи, которая медленно, шагъ за шагомъ, двигалась впередъ. Я нагнала своихъ товарищей, сообщила имъ добрую вѣсть и снова заняла свое мѣсто во главѣ школы, которая длинной-длинной полосой тянулась по улицѣ. И мнѣ казалось, что лицо покойника одобрительно улыбалось моему маленькому подвигу и торжествовало побѣду вмѣстѣ со мною...

15 мая 1893 года.

Было прекрасное майское утро. Свѣжій вѣтерокъ чуть-чуть пробѣгалъ по свѣтло-зеленымъ листикамъ деревьевъ; по голубому небу тянулись кисейныя облачка; въ воздухѣ пахло жасминомъ и бѣлой акаціей; солнце ярко заливало и садъ, и постройки на улицѣ; все вокругъ праздновало весну и просило жизни... Я вышла на свою обычную утреннюю прогулку съ тѣмъ ощущеніемъ бодрости, которое такъ рѣдко испытываю теперь, на старости лѣтъ, и шла здоровой ускоренной походкой. Какъ вдругъ невдалекѣ за мною, шагахъ въ 10—20, послышались дѣтскія рыданія; рыданія были такъ громки, въ нихъ слышалось столько

безнадежнаго отчаянія, что жители Касперовскаго переулка высунулись изъ оконъ, встревоженные необычнымъ явленіемъ. Нервная дрожь пробѣжала у меня за спиною, сердце замерло; мнѣ почудилось какое-то страшное несчастье, и я быстро оглянулась кругомъ. Изъ-за угла Нѣмецкой улицы показалась дѣтская фигурка лѣтъ 8—9. Дѣвочка неслась, какъ вихрь, по направленію ко мнѣ. Соломенная шляпочка съ красной лентой упала назадъ и держалась только на резинкѣ; синяя тальмочка сбилась на плечо и развѣвалась въ воздухъ; длинные свѣтлые волосики растрепались и покрыли все личико. Она была воплощеніе отчаянія и, ломая руки, рыдала на всю улицу. Это не было похоже на обычное дѣтское горе; она казалась маленькой взрослой женщиной, потрясенной страшнымъ несчастіемъ и готовой на самоубійство. Я застыла отъ ужаса, а дѣвочка неслась прямо мимо меня, оглашая воздухъ неистовыми рыданіями. Когда она поравнялась со мною, я стала кричать ей вслѣдъ, вся дрожа, какъ въ лихорадкѣ:

— Милая, голубушка, дорогая, что съ тобой? Скажи мнѣ! Я помогу тебѣ!

Дѣвочка промчалась мимо, но все-таки слова мои дошли, вѣроятно, до ея сердца, такъ какъ среди рыданій я слышала слово «экзаменъ».

Я ускорила шаги, что было силъ, чтобы догнать ее, но дѣвочка мчалась такъ быстро, что съ каждой минутой между нами ложилось все большее и большее пространство. Я оглянулась кругомъ, нѣтъ ли извозчика, но извозчика не было, и мнѣ оставалось только слѣдить за нею издали. Какъ вдругъ изъ-за угла Чернышевской улицы показалась другая маленькая фигурка точно такого же роста и точно въ такой же, только коричневой тальмочкѣ. Она рѣшительно заслонила дорогу дѣвочкѣ, взяла ее за руку, спокойно, не торопясь, начала говорить ей что-то, и онѣ пошли рядомъ. Я видѣла, какъ плечи дѣвочки нервно подергивались еще отъ недавнихъ рыданій, но все-таки она стихла, и подергиванья становились все рѣже и рѣже. Дѣти пошли черезъ скверъ и достигли Мироносицкой церкви. Коричневая тальмочка повелительнымъ жестомъ

остановила свою подругу, круто повернулась къ церкви всей своей маленькой фигуркой и стала креститься медленно и солидно, какъ крестятся взрослые люди, въ то время, какъ ея нервная подруга какъ-то неистово осѣняла себя крестомъ и наклонялась чуть не до земли.

«Поможетъ ли имъ эта молитва и сбудется ли страстное желаніе получить тройку?—спрашивала я себя, глядя издали на дѣтей.—Съ какимъ сердцемъ явится голубая тальмочка на экзамень? Что будетъ съ нею, если вмѣсто желанной тройки получится единица, и куда пойдетъ она, что приметъ, если не посмѣетъ явиться домой, откуда, вѣроятно, силою прогнали на экзамень, и оградить ли ее отъ несчастья ангель-хранитель въ коричневой тальмочкѣ? Когда же этому конецъ,—продолжала думать я,—когда люди поймутъ и содрогнутся отъ этого дѣтскаго горя; когда снимутъ съ дѣтей эту страшную кару и дозволятъ имъ наслаждаться весной и майскимъ утромъ, какъ наслаждаемся мы, взрослые люди?..»

Вспоминаніе и кривая на

4 октября 1897 года.

Когда я рѣшила вести мой школьный дневникъ, я больше всего имѣла ввиду моихъ сотоварищъ по кружку—новыхъ молодыхъ учительницъ, и думала наполнить его исключительно дѣловымъ матеріаломъ. Такъ и было до сихъ поръ. Какъ вдругъ встрѣтилось обстоятельство, которое тронуло меня и взволновало до такой степени, что, куда бы ни шла я, что бы ни дѣлала, мысль моя постоянно останавливается на немъ. Въ такихъ случаяхъ я не въ силахъ отказать себѣ въ желаніи занести мои впечатлѣнія на страницы школьнаго дневника, что и дѣлаю въ настоящую минуту.

Въ прошлое воскресенье, среди школьной сутолоки, я думала только о томъ, какъ бы мнѣ лучше дать урокъ моимъ ученицамъ; какъ вдругъ мнѣ бросилась въ глаза молодая дѣвушка-учительница, отличавшаяся всегда, на мой взглядъ, необыкновенно смѣлымъ и энергичнымъ видомъ. Ея умная головка съ остриженными волосами, закинутыми

вверхъ, точно говорила всѣмъ: «Я никого и ничего не боюсь на свѣтѣ; я все возьму напроломъ—столько во мнѣ энергіи и силы!» Въ минуту, о которой говорю я, я увидѣла молодую дѣвушку не въ лицо, а въ затылокъ. Она уходила поспѣшно въ сѣни, и я едва узнала ее. Она вся какъ-то съежилась; смѣлая головка была опущена; короткіе волосы падали беспорядочными прядями на лобъ, и плечи чуть-чуть вздрагивали отъ сдержанныхъ рыданій. Я вспомнила въ эту минуту, что она уѣзжаетъ за границу учиться и что это ея послѣднее воскресеніе; я вспомнила, что наканунѣ мы хлопотали и сговаривались поднести ей жетонъ на память и проводить ее на вокзалъ. Нѣсколько учительницъ заботливо выскочили за ней въ сѣни... Въ эту минуту я получила приглашеніе спуститься въ нижній этажъ, чтобы принять участіе въ спорѣ, происходившемъ тамъ. Я застала кружокъ учительницъ съ возбужденными лицами и взволнованными голосами. Онѣ доказывали большинству, что жетонъ—это слишкомъ большая честь для учительницы, проработавшей всего два года въ школѣ; что выраженіе симпатій къ ней должно быть скромнѣе; что на жетонѣ не должно быть выбито имени цѣлой корпораціи. Я остановилась передъ ними въ нѣкоторомъ недоумѣніи,—мнѣніе это какъ-то не укладывалось въ моей душѣ; но, овладѣвъ собою, я съ горячностью стала доказывать имъ, что отношенія къ школѣ слѣдуетъ мѣрить не годами, не временемъ, что жетонъ выражаетъ не личныя наши чувства къ ней, а долженъ непремѣнно итти отъ цѣлой корпораціи; что привѣтствовать товарища и отмѣчать его заслуги не значитъ «выдавать медали», какъ выражались инныя, и т. д. Большинство было на моей сторонѣ, и я поспѣшила наверхъ къ своимъ учительскимъ обязанностямъ. На площадкѣ, на диванчикѣ, я увидѣла другую молодую дѣвушку, не учительницу, а ученицу. Она закрыла глаза не то платочкомъ, не то тряпочкой и горько рыдала на виду у всѣхъ. Очевидно, горе ея было такъ порывисто, что ей было совершенно безразлично, что все это школьное движеніе проходитъ мимо, что инныя смотрятъ на нее съ любопытствомъ, другія—съ участіемъ...

Та же самая дѣвушка пришла ко мнѣ на другой день въ домъ съ порученіемъ отъ хозяйки-модистки. Она дѣловито передала мнѣ, что слѣдуетъ, а затѣмъ остановилась въ раздумьи и, помолчавъ немного, сказала: «Вы слышали о нашемъ горѣ, Христина Даниловна?.. Наша учительница Ю. Н...» Она не могла сказать больше ни слова и зарыдала такъ же порывисто, какъ тогда въ школѣ. Я посадила ее, стала утѣшать, какъ умѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ вематривалась въ ея лицо. Судя по немъ, природа не дала ей слабыхъ нервовъ,—это простое, открытое лицо не отличалось ни худобой, ни блѣдностью, и очевидно, что нѣчто болѣе сильное, чѣмъ разстроенные нервы, тронуло и всколыхнуло эту наивную душу... Вчера она опять пришла ко мнѣ съ новымъ порученіемъ отъ хозяйки. Я гуляла въ саду и пригласила ее сѣсть со мною рядомъ и посидѣть немножко на скамеечкѣ. Даша присѣла, держа какой-то свертокъ подъ кофточкой и, видимо, желая опять чѣмъ-то подѣлиться со мною. Своимъ привѣтомъ и лаской я вызвала ее на откровенность. «Христина Даниловна,—робко сказала она,—хотите, я вамъ покажу письмо мое къ другой нашей любимой учительницѣ В. В.? Я написала его прежде въ тетрадкѣ, а потомъ переписала на почтовую бумажку». И она подала мнѣ старенькую синюю ученическую тетрадку, въ которой я прочла слѣдующее: «Милая, дорогая В. В.! Хотя вы и не пишете, чтобы я вамъ писала, но я не могу не писать вамъ. Сообщи вамъ печальную новость: сегодня было прощальное свиданіе, — наша дорогая Ю. Н. уѣзжаетъ, всѣ ученицы плакали, а мнѣ, если бы вы знали, моя дорогая, какъ было грустно!.. Хотя я и сознаю, что ей надо учиться, а все же жаль расставаться... Въ нашей группѣ уже два раза была географія. Я умѣю нарисовать Большую Медвѣдицу, узнала, что Полярная звѣзда указываетъ, гдѣ сѣверъ; что земля шарообразна и много кой-чего узнала, да напишу въ другой разъ. Всѣ наши ученицы цѣлуютъ васъ и благодарятъ за привѣтъ. Саша вамъ сама напишетъ. Еще у насъ теперь учится Елена Ефименко; помните, она на костыляхъ. Цѣлую васъ. Ваша Даша».

И это написала дѣвушка, не знавшая ни одной буквы, пришедши въ школу, и проучившаяся всего одну зиму. Таково вліяніе школы, таково вліяніе учительницъ, отдающихъ ей всю свою душу!.. Конечно, въ письмѣ этомъ была бездна грамматическихъ ошибокъ, но что значать эти ошибки въ сравненіи съ его внутреннимъ содержаніемъ!..

Я видѣла Дашу еще разъ на вокзалѣ. Толпа интеллигентныхъ людей провожала Ю. Н., а кучка ея ученицъ скромно держалась поодаль, не сводя съ нея заплаканныхъ глазъ. Передъ отходомъ поѣзда все наше вниманіе было сосредоточено на уѣзжающемъ дорогомъ для насъ человѣкѣ, и я совсѣмъ позабыла о скромной группѣ ученицъ. Но въ ту минуту, какъ поѣздъ тронулся, я услышала раздирающій душу крикъ... Это была Даша, окруженная своими товарками... Я слышу до сихъ поръ этотъ крикъ. Онъ говоритъ мнѣ о значеніи школы и о томъ могучемъ вліяніи, какое можетъ имѣть на душу любимая воспитательница.

5 сентября 1898 года.

Вчера я возвратилась изъ маленькой школы ¹⁾ въ такомъ нервномъ состояніи, которое окончилось слезами и сердцебіеніемъ, и всѣ наши говорили мнѣ, что я убиваю себя и что все это окончится очень дурно; но я не слушала ихъ. Передо мною стояла толпа оборванныхъ матерей съ грудными дѣтьми на рукахъ, а за платьями этихъ матерей цѣплялись маленькія дѣвочки, пытливно глядѣвшія на незнакомыхъ имъ учительницъ, безъ всякой, однако, боязни, такъ какъ эти бѣдныя матери сказали имъ, что ведутъ ихъ въ какое-то хорошее мѣсто, къ какимъ-то хорошимъ людямъ, и Боже сохрани, если ихъ не примутъ туда по той или иной причинѣ... Но кто же объяснилъ этимъ бѣднымъ матерямъ, что надо итти въ школу, что надо искать свѣта?

¹⁾ Такъ назывались занятія по буднямъ съ малолѣтними, получившими отказъ въ воскресной школѣ. Маленькая школа имѣла двѣ смѣны ученицъ, занимавшихся по три дня въ недѣлю; общее число ученицъ доходило до 300.

Родились ли онѣ съ этимъ инстинктомъ, или всеильный духъ времени задѣлъ и ихъ своимъ крыломъ въ ихъ жалкихъ трущобахъ, въ ихъ тѣмѣ и невѣжествѣ?..

— Почему вы не отдали вашу дѣвочку въ городскую школу? — спрашиваетъ учительница, ласково глядя на крошку.

— У меня ихъ пятеро осталось послѣ мужа, — говоритъ въ отвѣтъ женщина съ груднымъ ребенкомъ и ничего не добавляетъ къ этому, такъ какъ все ясно...

— Это ваша внучка? — спрашиваетъ учительница глубокую старуху, лицо которой изрыто морщинами, а жилистые руки дрожать.

— Внучка, — отвѣчаетъ она какъ-то сурово.

— А вы сами чѣмъ занимаетесь?

— Въ кухаркахъ живу у мѣщанъ.

— Почему жъ бы вамъ не отдать ее учиться въ ежедневную школу? — говоритъ учительница.

Горькая улыбка искривляетъ старческое лицо. «Два рубля въ мѣсяцъ получаю, — говоритъ она лаконически: — на обувь не хватаетъ; а она сирота — покойная дочь мнѣ ее оставила, а отецъ Богъ его знаетъ гдѣ...»

— Платить сколько-нибудь надо? — спрашиваетъ оборванный отецъ.

— Нѣтъ, только десять копеекъ дадите ей на тетрадь, — отвѣчаетъ учительница.

Лицо бѣдняка озаряетъ довольная улыбка.

— Это ничего не значить, — говоритъ онъ тономъ чело-вѣка, который въ силахъ еще заработать гривенникъ и отдать его на просвѣщеніе дочери...

Дѣвочка лѣтъ 13—14, ученица нашей воскресной школы, умоляетъ со слезами на глазахъ принять ея маленькую сестренку, которой на видъ 6—7 лѣтъ.

— Я выучила ее азбучкѣ, — убѣждаетъ она учительницу, — и дальше бы учила, да дохнуть самой некогда. Вы лучше меня исключите изъ воскресной школы, а ее примите.

Толпа такъ густа, что, несмотря на отворенныя окна, воздухъ становится все душнѣе и душнѣе, и я чувствую, что сейчасъ мнѣ сдѣлается дурно. Я пробираюсь сквозь

эту толпу и слышу моленія матерей о томъ, чтобы дѣти не были отвергнуты; онѣ низко кланяются мнѣ, онѣ протягиваютъ ко мнѣ свои исхудалыя руки; и на улицѣ я слышу еще слезы, дрожація въ ихъ голосѣ, и вижу ихъ лица, полныя мольбы и робкой надежды...

Памяти Н. Θ. Хуцѣва.

(Умеръ 17 сентября 1898 года).

Я встрѣтилась съ Н. Θ. Хуцѣвымъ лѣтъ 12 тому назадъ въ семьѣ его начальника по службѣ. Начальникъ былъ добръ, разуменъ и привѣтливъ, но въ обращеніи его съ Н. Θ. мнѣ все-таки слышалась начальническая нотка; да и самой мнѣ лично Н. Θ. казался самымъ обыкновеннымъ чиновникомъ. Правда, я подмѣчала въ немъ любовь къ дѣтямъ, которая всегда вызываетъ во мнѣ расположеніе къ человѣку, и мягкое обращеніе съ прислугой, что тоже мнѣ всегда нравится; но дальше я никакихъ положительныхъ качествъ не усматривала въ моемъ новомъ знакомомъ.

Это было время моего увлеченія деревней. Я проводила тамъ все лѣтніе мѣсяцы, сближаясь съ крестьянами, лѣчила ихъ, учила и вся была полна желаніемъ принести имъ какъ можно больше пользы. Отношенія между мною и нѣкоторыми изъ нихъ установились самыя простыя и сердечныя; неразъ послѣ чтенія интересной книжки мы засиживались подолгу въ моей укромной хатѣ въ вишнякѣ и вели душевныя бесѣды не только о книгѣ, но и о жизни.

Есть рассказы, производящіе глубокое впечатлѣніе; объ этомъ можетъ свидѣтельствовать каждый, кто перечитывалъ ихъ съ народомъ. Къ числу такихъ рассказовъ принадлежатъ «Дѣлатели золота» Цшокке. И вотъ по прочтеніи этой интересной книжки крестьяне стали вспоминать, какъ много лѣтъ тому назадъ, передъ турецкой войной, какъ выражались они, появился въ ихъ мѣстахъ молодой человѣкъ — учитель, который не только училъ ихъ дѣтей, не только читалъ книжки взрослымъ, но и пользовалъ безъ

платно каждого изъ больныхъ крестьянъ; и пользовалъ онъ не такъ себѣ, немножко, кое-чѣмъ, а по-настоящему: умѣлъ и раны всякія лѣчить, и лихорадку, и горячку и никогда не брезгалъ простымъ народомъ; самъ, бывало, обмоетъ, обчиститъ, перевяжетъ, и всегда съ такою ласкою, добротою; деревенскихъ ребятишекъ любилъ, какъ родныхъ; зато и они любили его безъ памяти, да и всякій любилъ и уважалъ этого человѣка.

«На наше несчастье началась тогда война съ турками,— говорилъ одинъ изъ крестьянъ,—и задумалъ нашъ учитель итти туда добровольцемъ. Мы стали его просить, уговаривать: «не покидай насъ и нашихъ дѣтокъ»; бабы даже вой подняли, а онъ говоритъ намъ со слезами на глазахъ: «Какъ же мнѣ не итти туда на помощь, сами посудите! Я молодъ, здоровъ, умѣю лѣчить раны, а тамъ столько несчастныхъ, умирающихъ, молящихъ о помощи!..» Сами плачемъ и чувствуемъ, что правду говоритъ онъ, что нужнѣй онъ тамъ, чѣмъ тутъ. И начали мы его, какъ сына родного, снаряжать: бабы сорочки шили, рушники, мужики чинарку, шубу справили; и какъ насталъ тотъ день, какъ посадили мы его въ телѣгу — вся деревня, какъ одинъ человѣкъ, вышла провожать его — и старые и малые. Поднесли мы ему икону вскладчину въ серебряной оправѣ, а какъ лошадка тронулась, бабы стали деньги въ телѣгу бросать, кто что могъ: кто грошъ, кто пятакъ, кто гривенникъ. Обѣщаль онъ вернуться къ намъ, да такъ и не вернулся: на войнѣ ли онъ погибъ, другую ли службу избралъ, только мы его съ тѣхъ поръ не видѣли».

Образъ юнаго героя носился въ моемъ воображеніи, окруженный ореоломъ величія, и мнѣ страстно хотѣлось знать, что это былъ за человѣкъ и какова его дальнѣйшая судьба; но по обыкновенію неграмотные люди не знали и не помнили его фамиліи, а заурядное имя ничего не говорило мнѣ.

Все это происходило въ Екатеринославской губерніи, а потому при встрѣчѣ въ Харьковѣ съ чиновникомъ Хуциевымъ, который, какъ знала я, живалъ когда-то въ тѣхъ мѣстахъ, я спросила его не зналъ ли онъ случайно въ

имѣннiи баронессы В. идеальнаго учителя-доктора, который пошелъ затѣмъ добровольцемъ на войну. Это было у насъ въ гостинной. Чиновникъ вспыхнулъ до ушей и съ замѣшательствомъ, совсѣмъ несвойственнымъ его почтеннымъ годамъ, отвѣчалъ тихо и сконфуженно: «Это былъ я». Затѣмъ онъ объяснилъ, что по окончанiи медицинской академiи онъ рѣшилъ быть учителемъ и отдать себя деревнѣ.

Что было дальше, я не смѣла его разспрашивать. Рассказывали какой-то романъ изъ его прошлой жизни, когда онъ былъ женихомъ любимой дѣвушки, нанялъ уже квартиру, устроилъ обстановку семейнаго человѣка,—и вдругъ эта дѣвушка, наканунѣ свадьбы, рѣшила сдѣлать болѣе выгодную партiю и стать женою другого. Говорили объ этомъ и подсмѣивались надъ бѣднымъ Н. Θ., а мнѣ было до слезъ жалъ его: Богъ знаетъ, быть-можетъ, этотъ неудавшiйся романъ разбилъ всѣ его свѣтлыя мечты, всю его вѣру въ жизнь...

И, тѣмъ не менѣе, когда я дотронулась какъ-то до слабой струны его души и заговорила съ нимъ о возникавшей въ Харьковѣ мужской воскресной школѣ, онъ, податной инспекторъ, какъ ребенокъ, обрадовался ей и схватился за нее, какъ утопающiй за соломинку. Видѣла я потомъ, какъ однажды [у насъ за обѣдомъ начальникъ сказалъ ему не безъ язвительной улыбки: «Правда ли, Н. Θ., будто вы занимаетесь теперь воскресными школами?.. А не своимъ прямымъ дѣломъ», слышалось въ этомъ тонѣ. Н. Θ. вспыхнулъ и, приложивъ два пальца къ виску, какъ это дѣлаютъ солдаты, отвѣчалъ съ сдержанной злобой: «Точно такъ, ваше превосходительство!» Начальникъ почувствовалъ, очевидно, неловкость своего вопроса, а я, высоко поднявши бокаль съ шампанскимъ, произнесла громко дрогнувшимъ голосомъ: «Позвольте мнѣ предложить тостъ за здоровье глубокочтимаго мною сотоварища по школьному дѣлу!..» Тѣмъ не менѣе, я слыхала потомъ, что это занятiе воскресными школами положительно могло повредить его служебной карьерѣ, но онъ, очевидно, не страшился этого.

Н. Θ. не былъ одаренъ, на мой взглядъ, ни сильнымъ умомъ, ни выдающимися талантами, но онъ никогда и не

претендовалъ на нихъ. Это былъ скромный человѣкъ, отгородившій себѣ скромное мѣсто въ школѣ, но беззавѣтно любившій ее. Онъ не былъ богатъ, но отдавалъ школѣ все, что могъ, и наканунѣ своей смерти писалъ директору земельного банка: «Прошу извѣстить меня, когда именно состоится вашъ праздникъ. Я желалъ бы прислать вамъ на новоселье хлѣбъ-соль, такъ какъ не могу не цѣнить глубоко той матеріальной поддержки, которую вы оказывали постоянно нашей воскресной школѣ».

Сотоварищи по дѣлу мужской воскресной школы, надо сказать правду, относились всегда свысока къ Н. Θ. Онъ зналъ и видѣлъ это, но дѣло было для него выше всего, и онъ до послѣдней минуты заботился только о немъ.

Этотъ скромный человѣкъ, навѣрное, останется незамѣченнымъ, сошедши съ жизненной сцены. Помянемъ же его хотя мы, учительницы, добрымъ словомъ и отдадимъ дань его любви и преданности дѣлу народнаго образованія.
